ИЗЪ МОЕГО ДАВНОПРОШЕДШАГО [1].

Пережитыя пятьдесятъ лѣтъ даютъ мнѣ нѣкоторое право оглянуться назадъ и вспомнить мое давнопрошедшее. Было бы странно писать мнѣ автобіографію, такъ какъ въ ней не нашлось бы ничего сколько нибудь интереснаго и поучительнаго. Въ моей памяти и въ моемъ портфелѣ сохранились кое-какія свѣдѣнія о прошлыхъ явленіяхъ и о сошедшихъ уже со сцены людяхъ, имѣющія историческій и бытовой интересъ. Этими то свѣдѣніями я и хотѣлъ бы подѣлиться съ моими земляками, я и хотѣлъ бы сохранить ихъ для нарождающагося поколѣнія, ожидающаго уже ваканціи на мѣста, отсиживаемыя еще пока нами—стариками.

Оканчивая въ первой половинѣ 60-хъ годовъ кіевскій университетъ, я помѣстилъ въ длинномъ рядѣ номеровъ „Кіевлянина“, издававшагося покойнымъ историкомъ В. Я. Шульгинымъ, „Записки объ университетской жизни“, которыя составлялись мною при участіи „незабутняго“ моего друга, а затѣмъ профессора В. Б. А—ча. Когда я просматриваю эти всѣми давно забытыя записки, въ памяти моей воскресаютъ годы юности, лучшіе въ человѣческой жизни годы. Затѣмъ, въ теченіе 20 лѣтъ я исписалъ массу тетрадей, живя въ Царствѣ Польскомъ и на Кавказѣ, замѣтками о текущихъ дняхъ. Тетради эти не

[1]) Авторъ этихъ воспоминаній, Даніилъ Константиновичъ Морозъ, служившій въ послѣднее время на Кавказѣ, умеръ около года тому назадъ. Изъ напечатанныхъ имъ сочиненій, кромѣ отмѣченныхъ въ этихъ запискахъ, намъ извѣстны слѣдующія: 1) Ариѳметика, або щотниця. Кіевъ 1862; 2) Безталанна; оповидання (Основа, 1862, 8); 3) Був кінь та зїздывся; комедія въ 3-хъ діяхъ. Кіевъ 1864. Подпись: *Данило Костянтиновичъ*, т. е. имя и отчество автора; 4) Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Таманѣ (Кіев. Стар. 1883, 1); 5) Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Подпись *Д. К. М.* (Кіев. Стар. 1891, 7).

имѣютъ никакой цѣны, такъ какъ содержаніе ихъ лишено общественнаго интереса и отличается субъективностью, могущею интересовать только составителя замѣтокъ. Единственная цѣль ихъ ограничивалась желаніемъ сохранить память о лучшихъ людяхъ и о тѣхъ явленіяхъ, которыя представляли собою, по тѣмъ или инымъ поводамъ, личный интересъ. Поэтому-то, приготовивъ одну изъ тетрадей для внесенія замѣтокъ, я и написалъ на ней такой mot d'ordre:

Оттакъ, якъ ничого робыты,
Згребаю все зъ своій души,
До купы складую.. читаты
Колысь-то прыйдется.
Якъ получу отставку чисту
Видъ дилъ громадськихъ.
Мо слёзы радощивъ
Зъ очей моихъ поллються,
Або нудьгой охопыть душу прошле,
Що вже не вернется николы...

О всѣхъ сошедшихъ уже въ могилу лицахъ въ моемъ давнопрошедшемъ я сохраняю самую наилучшую память, а поэтому позволяю себѣ называть ихъ полными именами, или полными прозвищами (неоффиціальными именами, по-уличному). Наши старики любили прозвища и не оскорблялись ими. Одного изъ нихъ называли Базарнимъ, другого—Тараканомъ, третьяго—Бабіемъ и пр. Я не боюсь потревожить имъ заброшенныя и давно позабытыя могилы, сознавая вполнѣ, что надъ трупами ихъ, выражаясь ихъ собственнымъ языкомъ, „земля перомъ лежыть“.

Кто были мои предки—сказать я „не скажу“, а не скажу потому, что и самъ не знаю. Покойный нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ, встрѣчая меня въ своей квартирѣ, на 11 линіи Васильевскаго острова, въ д. Корманова, всегда привѣтствовалъ словами нараспѣвъ одной народной думы, увѣряя, будто бы воспѣваемый ею народный герой является моимъ предкомъ. Мнѣ же кажется, что ни сошедшій въ могилу историкъ, ни достойнѣйшій его преемникъ А. М. Лазаревскій не смогутъ возсоздать моего родословнаго древа, хотя бы оно и могло за-

интересовать ихъ. Я живо помню изъ моего дѣтства, что у родителей моихъ сохранялась доставшаяся отъ бабушки Софіи Федоровны „скрынька“ съ „бомагами“, запиравшаяся двумя замками. Безъ сомнѣнія, въ ней были богатыя данныя для составленія никому ненужнаго нынѣ моего древа. Гдѣ дѣлась эта „скрынька“, гдѣ дѣлись изъ нея „бомаги“, одному Богу вѣдомо. Изъ нея дошли ко мнѣ и нынѣ благополучно сохраняются только четыре бумаги, т. е. какая-нибудь сотая частица.

Прадѣдъ мой Иванъ Морозъ умеръ до 1783 года въ гор. Березномъ [1]) въ чинѣ значковаго товарища, оставивъ по себѣ двухъ сыновей: Матвѣя (моего дѣда) и Ивана. Оба они были уже женаты, и жены ихъ носили имя Софіи.

Изъ сохранившейся у меня „добровольной раздѣлки“ 8-го декабря 1783 года „движимаго и недвижимаго имѣнія, оставшагося по умершому значковому товарищу Ивану Морозу“, оказывается, что таковое раздѣлено было по реестрамъ на 3 части, „по согласію всѣхъ трехъ сторонъ“, т. е. „колежскаго канцеляриста Матвѣя, жены его Софіи (Федоровны) и брата его войсковаго товарища Ивана“, именемъ котораго дѣйствовала жена его Софія.

Иванъ Морозъ и жена его не оставили послѣ смерти наслѣдниковъ, и такимъ образомъ все имущество Ивана досталось сыну его Матвѣю, моему дѣду. Изъ сохранившихся документовъ видно, что мѣстожительство его было въ городѣ Березномъ, а земли лежали при хуторахъ Рогозки и сел. Сахновкѣ, а также въ дачахъ селеній Дирчина, Локниста, Гусавки и Горици и при Домницкомъ мужскомъ монастырѣ.

Въ записной книжкѣ отца моего „о родословной Константина Мороза (его самого), жены и дѣтей его“ рукою моей покойной матери отмѣчено такъ: „Матвѣй Ивановичъ Морозъ скончался 1795 года 29 марта, отъ роду 49 лѣтъ“, т. е. 12 лѣтъ спустя послѣ раздѣла имѣнія.

Изъ сохранившагося у меня аттестата, выданнаго „въ Малой Россіи, въ городѣ Глуховѣ, октября 20-го дня 1787 года, дѣду моему, видно, что онъ, Матвѣй М—зъ, „бывшаго войска

[1]) Нынѣ м. Березно, черниговскаго уѣзда.

малороссійскаго Черниговскаго полку изъ войсковыхъ товарищей его сіятельствомъ, высоко-повелительнымъ господиномъ генераломъ-фелдмаршаломъ, сенаторомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ, графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ-Задунайскимъ, по силе Всевысочайшаго Имяннаго Ея Императорскаго Величества указа 783 года іюня въ 28 день состоявшагося, отъставленъ отъ службы съ награжденіемъ порутчикомъ". За симъ 20-го іюня 1785 г. ему была выдана на пергаментѣ „грамота уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ". „Разсмотрѣвъ предъявленныя отъ него М—за о дворянскомъ его достоинствѣ доказательства... онъ и родъ (его) внесенъ въ дворянскую родословную черниговской губерніи книгу во вторую ея часть".

У дѣда моего было два сына—Даніилъ и Константинъ и двѣ дочери—Марія, по мужу Шендюхъ, и умершая дѣвицею 5-го ноября 1869 г. 85-ти лѣтъ отъ роду Анна.

Когда родился мой дядя, свѣдѣній у меня не имѣется, во всякомъ случаѣ раньше моего отца. Сколько помню, онъ окончилъ съ отличіемъ Харьковскій университетъ, женился въ Москвѣ на очень богатой дѣвушкѣ, отдалъ свою родовую часть моему отцу и умеръ сенаторомъ въ 1848 г. Какъ человѣкъ свѣтски-образованный и богатый, онъ вращался въ высшемъ московскомъ обществѣ и побѣждалъ сердца дамъ и дѣвицъ.

Тетка Анна, или какъ всѣ ее называли „Ганна", жила постоянно при моемъ отцѣ. Она отличалась, сколько я припомню, необыкновенною кротостью и смиреніемъ. Она жила въ „старомъ бабушкиномъ" дворѣ со своею старою служанкою-другомъ Килиною Давидихою.

1811-го года декабря 10-го дня Софія Федоровна, „имѣя у себя двухъ сыновей, находившихся на службѣ въ Санктпетербургѣ, коллежскаго совѣтника и кавалѣра Даніила, и подпорутчика Константина, отъ которыхъ чувствуя всю ихъ сыновнюю приверженность и уваженіе и желая за то вознаградить матернимъ къ нимъ благословеніемъ, и въ знакъ того, будучи въ здравомъ смыслѣ и разсудкѣ, учинила распредѣленіе въ части имѣнія, владѣемаго ею черниговскаго повѣту въ селѣ Сахновкѣ".

Списокъ крестьянъ въ этомъ завѣщаніи указываетъ ясно, что у бабушки было собственное имѣніе въ сел. Сахновкѣ, независимо отъ имѣній, перешедшихъ въ ея пользованіе отъ свекора. Какъ кажется, она сама была родомъ изъ с. Сахновки, отстоящей отъ Березнаго верстъ на 7 и отъ ближайшихъ хуторовъ въ Рогозкахъ—верстъ на 6. Если я не ошибаюсь, она была изъ роду Ячного или Ячницкаго.

Въ духовной своей она позволяетъ сыновьямъ записать крестьянъ „за собою въ сочиняемую нынѣ на 1812-й годъ ревизскую сказку и владѣть ими со всѣмъ правомъ въ хозяйственномъ распоряженіи съ тѣмъ, что отнюдь до моей (ея) смерти они не вправѣ ни продать, ни заложить". Бабушка оставила за собою „право и перемѣнить оное" (дух. зав.), „но когда сего не учиню", говоритъ она, „по смерти же моей оны, сыны мои, усмотрятъ части своей одни противу другой неровною, то могутъ оны между собою обѣ сіи части уравномѣрить на законномъ основаніи такъ, чтобы одна противу другой были безъобидны".

Похоронивъ мужа, бабушка почему то переселилась въ Рогозки, отстоящіе отъ Березнаго на 8 верстъ. Возможно предполагать, что перемѣна мѣста жительства вызвана была воспрещеніемъ „гнать горилку" въ городахъ.

Рогозки во времена моего дѣтства, лѣтъ 40—45 тому назадъ, изображали собою „сорокопановку" покойнаго Г. П. Данилевскаго. Они тянулись въ то время верстъ на 8—10. Въ составъ ихъ входило 12 панскихъ хуторовъ, при чемъ каждый хуторъ именовался фамиліею пана. Вокругъ панской усадьбы утопали въ „вишневыхъ садкахъ" крестьянскія хаты, а за ними „городы", лѣсъ, нивы, сѣнокосы, левады, болота, а тамъ снова панскій хуторъ и опять „вышневіи садочки", лѣсъ и пр.

Ничего подобнаго теперь не существуетъ: панскіе роды сошли со сцены, хутора исчезли, „мовъ корова языкомъ злызала", лѣса вырублены, крестьяне скучились въ центрѣ и собираются строить свою церковь, жидовскіе шинки перемежаются съ крестьянскими хатами, нѣтъ и „вышневыхъ садковъ".

Хуторъ моего отца былъ самый большой, самый уютный. Нѣтъ и слѣда его теперь: старый домъ съ постройками былъ нѣкогда разобранъ, а новый дворъ сгорѣлъ...

Оглядываясь на это давнопрошедшее, невольно скажешь о немъ словами Семена Палія у Т. Шевченка:

Загине все, ты й самъ загинешь
И не згадають, щобъ ты знавъ...

Бабушка моя устроила въ Рогозкахъ большой панскій дворъ. Въ глубинѣ двора она построила фасадомъ къ проѣзжей дорогѣ домъ въ 9 комнатъ съ сѣнями по срединѣ. Поодаль отъ него сбоку—пекарня, людская, стайня (конюшня), сарай, колодецъ и пр. и пр. Задняя часть дома выходила въ громадный (десятинъ въ 6) тѣнистый фруктовый и цвѣточный садъ. Лѣтъ 40 тому назадъ въ концѣ этого сада шла аллея старыхъ липовыхъ деревьевъ, и за нею тянулся дубовый лѣсъ, молодой, чистый, большой... куда ходила Килина „по губы“, т. е. за бѣлыми грибами. Сбоку сада стоялъ „амшеникъ“ для пчелъ, а поодаль его шли клуни и „кошары“ съ колодцемъ по срединѣ. Панська оселя, т. е. дворъ, садъ и горо́ды, окружена была съ трехъ сторонъ строевыми сосновыми, съ одной стороны, а лиственными, съ другой, лѣсами. Только къ западу, въ сторону ровчака, горизонтъ былъ открытъ, и тутъ же проглядывали „мужичи“ хатки „зъ вышняку“. Къ сторонѣ же крестьянскихъ усадьбъ, не доходя ровчака, стояла „вынчыця“.

Устроивши хуторъ, бабушка жила въ немъ вдовою со своею кроткою Ганнусею, тихо, въ полномъ удовольствіи. Въ ея рукахъ находились большія имѣнія, недостатку не было ни въ чемъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, и даже больше, „стара Давыдыха“, т. е. Килина, говорила мнѣ, мальчику, посадивши на свои колѣни:

— „Отто була пани, такъ пани!.. Мижъ панями була найбильша пани. Що недили заприжуть ій рыдванъ, понасидають у него ажъ зверхомъ, та й йидуть до Сахновки молытысь Богу. Батюшка й службы не починають правыть, поки мы не прыйидемо. А якъ прыйидымо, выходять зъ крестомъ назустричъ... У двохъ було скучно имъ, хочъ и челяди було богато, отъ

воны й гостей збирають коло себе. Иноди гости такъ и живуть и тыждень, и другый. Усе було свое — и мнясце, и птыця, и горилка, и рыба, и чого схочете. Добре життя було колысь за бабушку!..

А я сижу и слушаю, пока не засну на колѣняхъ у Килины, а старуха-тетка сидитъ тутъ же, молча плететъ мнѣ носки и иногда вставитъ въ разсказы Дубинихи:

— И чого жъ то згадуваты старее?..

— Иноди прыйидутъ зъ Чернигова Маша Матвіевна зъ дитьми... Такъ зъ саду й не выходють... Сусиды зберутся на беседу и бенкетуютъ...

Нужно думать, дни шли у бабушки за днями тихо, богобоязненно, безмятежно... Но на горизонтѣ показалась туча, нависла надъ головою, грянулъ громъ, и полились... горькія слезы.

Живя вдвоемъ съ Ганнусею, бабушка постоянно переносилась мысленно то къ своему Данилку, то къ Костюку, витавшимъ гдѣ-то далеко, далеко... чуть ли не тамъ, гдѣ земля съ небомъ сходится...

Въ записной книгѣ красивымъ почеркомъ рукою моего отца написано: „Родился я 1793 года марта 6-го дня и именины мои въ тотъ же день. Отданъ во второй кадетскій корпусъ 1805-го года марта 20-го дня, выпущенъ изъ корпуса въ офицери 1811-го года августа 4-го дня въ Нижегородской пѣхотной полкъ и изъ онаго переведенъ въ Нѣжинской конно-егерской въ 1814-мъ году". Судя по цвѣту чернилъ, необходимо допустить, что родословную отецъ завелъ только въ 1832 году, а поэтому запись его о самомъ себѣ недостаточно полная. Изъ сохраняющагося у меня, какъ святыня, аттестата объ отставкѣ отца, выданнаго ему въ Кіевѣ 23 іюля 1834 года за подписями главнокомандовавшаго 1-ю арміею князя Сакена и дежурнаго генерала, генералъ-маіора Карпова, видно, что онъ въ военную службу поступилъ „изъ кадетъ инженернаго корпуса прапорщикомъ 1810 года, августа 4 съ состояніемъ по арміи и съ оставленіемъ при томъ же корпусѣ, произведенъ въ подпоручики 1812 г. февраля 1 съ опредѣленіемъ въ Нижегородскій пѣхотный полкъ, въ коемъ порутчикомъ іюня 14, штабсъ-капитаномъ

сентября 26 тогожъ года. Переведенъ въ бывшій Нѣжинскій конно-егерскій полкъ 1814 декабря 30 и въ ономъ капитаномъ 1816 іюля 22. Въ 1809 и 1810 годахъ былъ въ практическомъ походѣ во время нахожденія въ инженерномъ корпусѣ, и за оказанное въ ономъ отличіе по службѣ произведенъ въ прапорщики; тогожъ 1810 года октября 10 и 11-го—въ Сербіи въ сраженіи противъ вылазки непріятеля изъ г. Рущука подъ начальствомъ Муллы-Паши; 1812—въ Россійскихъ предѣлахъ противъ французскихъ войскъ при переправѣ чрезъ рѣку Неманъ; у г. Николаева—подъ миромъ (?); іюля 11—при с. Дашковкѣ, отколь командированъ для удержанія пункта Малороссіи въ м. Чечерскѣ, и былъ въ сраженіи: августа 4 и сентября 26 подъ м. Гайсеномъ, Пропойскомъ, Кормою и г. Рогачевымъ, гдѣ раненъ пулею въ лѣвую ногу на вылетъ и штыкомъ въ лѣвую руку; тамъ-же былъ въ стрѣлкахъ за отличіе произведенъ въ штабсъ-капитаны; потомъ въ преслѣдованіи непріятеля; въ 1813 и 1814 годахъ—за границею и тамъ при блокадѣ кр. Майнца; по переправѣ же черезъ рѣку Рейнъ—въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ подъ г. Кейзенштейномъ, въ ночной коммуникаціи подъ г. Нанси, Бріенъ, Ле-Шато, м. Лаономъ, Дисомъ, Мо и при взятіи г. Парижа, оттуда обратно чрезъ Баварію, Саксонію, Силезію и Царство Польское въ предѣлы Россіи, а 1815 іюля съ 27 по 16-е сентября—за границею въ Царствѣ Польскомъ и Силезіи. Имѣетъ серебряныя медали: за участіе въ кампаніи 1812 года и установленную въ память вступленія арміи 19 марта 1814 года въ Парижъ. Въ отпуску былъ 1819 года августа съ 2 къ минеральнымъ водамъ для излеченія ранъ".

Мы пока остановимся на этой выпискѣ изъ аттестата, заключающей въ себѣ періодъ съ 4-го августа 1810 г. по 2 августа 1819 года.

Не трудно понять изъ этой выписки душевное состояніе бабушки. И дни, и ночи она переносилась думкою куда-то далеко, далеко, гдѣ былъ ея Костя. Данилко былъ у нея на второмъ планѣ. Какъ старшаго сына, она его цѣнила выше, нежели младшаго, но этотъ послѣдній былъ еще отрокъ, „дитя

молодее", требовалъ и большихъ заботъ, и болѣе строгаго руководства. По понятіямъ бабушки, онъ состоялъ еще „въ среднемъ родѣ", не достигъ еще полной зрѣлости. Бабушка не привыкла еще относится къ нему, какъ ко взрослому: „воно молодее ще"!

Данилка она ставила на второмъ планѣ и потому еще, что онъ пошелъ по гражданской, а Костя былъ воиномъ и при томъ находился въ пороховомъ дыму. Помимо того, Данилко, по понятіямъ бабушки, жилъ подъ счастливою звѣздою.

— „Бувало, лепечетъ мнѣ беззубая Килина со словъ „старои пани", якъ пійдемо у гай по губы, нихто не знайде й червывого, а у него повна шапка, та яки ще—хочъ самому гетьману! И усякихъ надере винъ: и сыроижокъ, и пиддубныкивъ, и маслюкивъ, и опенекъ. Щасливе у мене дитя Данилко"!..

Бабушка успокаивалась письмами отъ младшаго сына. Я отлично помню, что у матери моей въ „кованій скрыньци" сохранялась порядочная связка писемъ отца моего къ своей матери.

— Это военныя письма твоего отца, говорила мнѣ мать, когда я заглядывалъ бывало, къ ней въ отпертую скрыньку съ „бомагами". Она раскрывалась очень рѣдко, только по какому либо особому событію.

Понятно, бабушка не могла удовлетвориться только однимъ прочтеніемъ письма. Она скликала „сусидивъ" и читала имъ, они возили ихъ читать своимъ знакомымъ. Она знала каждое письмо наизусть, прочитывая ихъ сотни разъ.

Но одни письма не могли облегчить душевныя страданія. У бабушки:

„За думою дума роемъ вылитае,
Одна давыть сердце, друга роздырао,
А третяя тыхо-тыхесенько плаче
У самому сердци, щобъ нихто не бачивъ [1]).

Нужны ей были утѣшенія конкретныя, извнѣ. Лучшее утѣшеніе у нашихъ прадѣдовъ и дѣдовъ представляла „Церковь Божа". Бабушка молилась предъ десятками образовъ въ ея

[1]) Т. Г. Шевченко, Кобзарь.

спальнѣ, угловой комнатѣ на востокъ, выходившей окнами въ садъ. Предъ семейнымъ образомъ, который я свято сохраняю у себя, теплилася неугасаемая лампада. Подъ толстою серебряною „ризою“ съ золотыми вѣнками и съ дорогими камнями нарисованы святые, у коихъ виднѣются только лики и руки. По срединѣ въ архіерейскомъ облаченіи—св. Николай (патронъ семьи), съ одной стороны—св. Матвѣй и царица Софія, а съ другой—пророкъ Даніилъ и царь Константинъ. Но одного моленія передъ образами было для нашихъ бабушекъ недостаточно: Софія Федоровна ѣздила съ Іанною до Сахновки въ церковь слушать литургію и „править молебны“. Если была ненастная погода, или нездоровилось, она посылала за батюшкою бричку.

Но.... нужно было искать еще гдѣ-нибудь облегченій. Бабушки наши угадывали будущее по явленіямъ природы: „солнце закатилось за тучи—вѣтеръ будетъ, вокругъ полнаго мѣсяца кругъ появился—одна бѣда, а на звѣздномъ небѣ „метелка“ [1]) появилась—другая бѣда, а тутъ „курка пивнемъ заспивала“—новое несчастье и т. д. Донесеніямъ не было конца, вслѣдствіе многочисленной челяди.

— „Бувало прыйде зъ Сахновки Левко (Реусъ) капоты, чи що инше, шить, та почне брехаты, то бабушка ажъ голосомъ заголосять“. А винъ бувъ такій, куды хочъ: и швець, и кравець, куды хочешь мытець. Отце почне про війну розсказувать, то и киньця не знайты: то билый царь бье чорного, то чорный билого... И чого винъ не бачывъ на своему вику: и безголовыхъ людей, и птыць зъ чоловичою мовою, и чорныхъ людей, и жовтыхъ, и усякихъ.

Безъ сомнѣнія, бабушку осаждали своими предложеніями и „ворожки“: одна ворожила днемъ, а другая въ полночь, одна—на водѣ, а другая—на огнѣ. Вѣроятно и воскъ выливали на „непочатую“ [2]) воду, и „пивня зъ сидала здыймалы и йисты ему давалы“.

---

[1]) Т. е. комета, метеоръ.

[2]) Т. е. первую съ утра вынутую изъ колодца.

Словомъ, бабушка приняла всѣ имѣвшіяся нѣкогда въ Малороссіи средства для выясненія какъ невидимаго настоящаго, такъ и будущаго. Одни средства облегчали ея душевное горе, а другія—„вылывали слезы зъ очей“, гнали сонъ, тревожили и днемъ, и ночью, или, говоря современнымъ языкомъ, разстраивали нервную систему. Нервы у нашихъ бабушекъ были крѣпкіе, крѣпче даже, нежели у Тарасова Кобзаря, который

Заспивае веселои,
А на журбу зверне.

Бабушка то радовалась, то „нудылась“. Но война 12-го года счастливо окончилась. „Двунадесять языковъ“ разбиты, русскія войска прошли по бульварамъ Парижа и возвращались домой съ музыкою и пѣніемъ. Бабушка все время „вытырала окошечко, вызирала сына“... Конечно, сынъ пріѣхалъ живымъ, здоровымъ, хотя пуля его не минула и штыкъ кольнулъ. Онъ живъ и здоровъ, только благодаря „материнымъ молытвамъ“!

Бабушка глядѣла на сына—не наглядывалась, радовалась имъ—не нарадывалася... О немъ уже она говорила „винъ“, а не „воно“, онъ уже былъ штабсъ-капитаномъ и чуть-чуть не капитаномъ!.. У меня сохранился образцово-вышитый самымъ мелкимъ бисеромъ чехолъ отъ чубука, изъ котораго мой отецъ постоянно курилъ табакъ чуть ли не единственной въ то время фирмы Василія Ивановича Жукова. За работу этого чехла дали бы 1-й призъ на любой художественной выставкѣ, это—chef-d'oeuvre!.. Безпорно, это—работа бабушки, ей было тогда 51 годъ, а это небольшіе годы для того времени, когда крѣпкіе люди зачастую доживали „свій викъ“, т. е. свои 100 лѣтъ.

Подъ теплымъ крыломъ у матери отецъ мой гостилъ, нужно допустить, не мало времени, а потомъ, отслужили „напутствіе“, т. е. напутственный молебенъ, она благословила „штабсъ-капитана“ въ дорогу. Молебенъ служилъ батюшка изъ Сахновки, дѣдъ или отецъ батюшки „отця Васыля“ Ячницкаго, который меня крестилъ. Слушать напутствіе собрана была вся челядь и скорѣе даже—„уси зъ хутора“, и старые и малые. По этому случаю наканунѣ были убиты: „теличка и третячокъ [1]),

[1]) Бычокъ по второму году.

свинка и кабанчикъ". Пока пріѣхалъ изъ Сахновки батюшка, во дворѣ передъ домомъ „столъ готували", т. е. клали доски и „обаполки" [1]). Можетъ быть, старуха пригласила по этому случаю батюшекъ изъ с. Кучиновки, къ приходу церкви которой принадлежала большая часть хуторовъ, и изъ самого Березна. Конечно, „попрощатысь зъ капитаномъ" пріѣхали и сосѣди: вдовецъ Левъ Андреевичъ Спицкій, Хведоръ Пилиповичъ съ Клавдіею Миколаевною, Юрій Степановичъ зъ Наталей Прокиповной, Аристархъ" и остальные.

По благочестію своему, бабушка, конечно, своевременно ѣздила „зъ Константиномъ" „у Домницю до Божои Матери, у Городище" [2]), гдѣ икона спускается на лентѣ и вдѣлана въ середину деревяннаго орла, „до Святого Миколая у Рыхлы" и пр.

Послѣ „напутствія" пошелъ пиръ горой, „гармидеръ и у покояхъ, и на двори". Прежде нежели выпить „по чарци", батюшка благословилъ „брашно и питіе". Главный предметъ „беседи" вращался возлѣ „капитана". Молодой, 22-хъ лѣтній герой разсказывалъ своимъ многочисленнымъ слушателямъ о Варшавѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Парижѣ и о всякихъ диковинкахъ Западной Европы. Слушатели молчали, ловили каждое слово и только болѣе почетные иногда издавали звуки удивленія. Бабушка сіяла отъ радости. Уже поѣли и малороссійскій борщъ со сметаною, и караси въ сметанѣ, и телятину. Обѣдъ длился уже два часа. Погода стояла превосходная. Обѣдающіе во дворѣ выпили уже и „другу, щобъ прогнаты тугу, выпылы пъяту за пьятныцю прокляту". Шумъ между ними усиливается больше и больше. „Молодыи" уже начали хмѣлѣть и „заводыты писень". Левко Реусъ показываетъ „якъ чорта зъ горилки выгнаты", или разсказываетъ „про жонатого чорта".

У „пански будынки" несли „заморожене". Характеръ разговора тамъ быстро смѣнялся. Капитанъ разсказывалъ о своихъ ранахъ. Фантазія его расширяла невольно предѣлы дѣйствительности.

---

[1]) Крайніе обрѣзки бревна. Изъ бревна—4 обаполка

[2]) Сосницкаго уѣзда.

Отце, Боже мій мылый, ажъ слухаты страшно!—воскликнетъ то одна старушка, то другая.

Старый „козарлюга—сусидъ“ съ подбитыми висками охлаждаетъ слушателей разсказами „якъ винъ самъ воювавъ и якъ ему ребра поламано“. Бабушка его укрощаетъ, сдерживаетъ. Для нея нѣтъ никого и ничего кромѣ Коли.

Принесли „запиканку й варенуху“ собственнаго издѣлія бабушки. Ужасный шумъ во дворѣ сразу замолкъ.

— Подывысь, Горпынко, чого се воны такъ замовклы? спрашиваетъ бабушка у своей горничной.

— „Та се Терешко зъ бандурой прыйшовъ. Отъ воны его й годують, щобъ то заспивавъ краще...

— „Сюды Терешку, сюды его! кричитъ Филаретъ Городицкій“.

За нимъ потребовали Терешку и другіе гости. Слѣпого Терешку вводятъ и садятъ на „килымку“ [1]), лежащемъ близъ „канапки“ [2]) Онъ настраиваетъ бандуру и заводитъ думы: „про Мороза, про трохъ бративъ, про Саву Чалого и пр.“. Торжественные мотивы козацкихъ думъ замолкли. Терешку угощаютъ „и запиканкою, и варенухою“. Онъ не выдержалъ и весело запѣлъ „про чечитку, про попадью и т. д.“.

— Ще про попадью! кричатъ ему сосѣди батюшки.

Терешко выпилъ „ще солоденькой“ и началъ:

Журилася попадя,
Шо пивъ зъ бородою:
— Бидно моя головонько,
Загину зъ тобою!..

Смѣхъ, шумъ, безпорядокъ.

А время идетъ. Уже „чотыре прокукало“, нужно собираться въ дорогу. Рыдванъ, запряженный четверкою откормленныхъ лошадей, давно уже стоитъ, „биля рундука“ [3]). Молодой

[1]) Коврикъ
[2]) Диванъ.
[3]) Крыльца.

капитанъ суетится, перечисляетъ всѣ вещи, идущія въ дорогу. Бабушка укладываетъ съѣстное, изготовленное и уложенное по плану, давно уже ею составленному.

— Мовчить, мовчить!.. кричатъ съ „рундука“ на подгулявшую компанію.

Все смолкло! Настала торжественная минута прощанія.

— Сидайте, гости мылы, щобъ усе добре у хати сидало... сказала бабушка.

Всѣ сѣли, кто на чемъ смогъ. Ганнуся прижимается къ брату. Глаза ея переполнились слезами. Первымъ всталъ батюшка и, обратясь къ повѣшеннымъ въ углу образамъ въ серебряныхъ „шатахъ“ [1]), провозгласилъ напутствіе. Всѣ усердно стали креститься, а кроткая Ганнуся положила земной поклонъ, чтобы „выщечкомъ вытерты слёзы долонею“. Костя обратился къ бабушкѣ, поцѣловалъ ей пухлую руку, обнялъ ее и сталъ цѣловать. Бабушка крестила его:

— Ограды тебе сыла честна и Твій крестъ животворный отъ усякой напасти, отъ усего злого,—сквозь слезы проговорила Софья Федоровна.

Къ капитану стали подходить для цѣлованія всѣ по очереди. Сперва бросилась ему на шею сестра, бросилась и зарыдала. Затѣмъ подошелъ батюшка и, перекрестивъ путника и трижды облобызавъ, проговорилъ:

— Не иды по пути нечестывыхъ и на сидалищѣ грѣшныхъ не сыды.

За гостьми прощалась дворня, хуторяне. На рундукѣ бабушка снова благословляла „свое молодое дитя“, снова его цѣловала и милувала. Приказчикъ Пилипъ подсадилъ панича въ рыдванъ, и четверня рванулась со двора и выѣхала на большую дорогу черезъ хуторъ, мимо крестьянскихъ хатъ, откуда всѣ вышли на улицу поклониться молодому паничу.

Бабушка долго стояла на крыльцѣ, все время осѣняя крестомъ уѣзжавшаго сына.

---

[1]) Окладахъ.

Начался разъѣздъ гостей. Въ воздухѣ стояла тишина, и пѣвчія птицы приступили допѣвать въ саду свои пѣсни. Солнце склонялось уже къ западу. У бабушки чувство гордости смѣнялось чувствомъ печали. Всѣ старались ее утѣшить, пророчествуя сыну ея въ близкомъ будущемъ генеральскій чинъ. Панскіе покои мало по малу пустѣли. А Ганнуся, проводивши брата, убѣжала въ липовую аллею „выливать слезы".

Съ отъѣздомъ молодого воина въ полкъ жизнь въ Рогозкахъ на бабушкиномъ хуторѣ вошла въ старую колею и потекла тихо, мирно. Тревоги за жизнь любимаго сына смѣнялись гордостью и разсчетами на быстрое повышеніе его въ чинахъ.

Все описанное выше въ 3-хъ частяхъ реестра имѣніе находилось въ рукахъ бабушки. О какой-нибудь нуждѣ не могло быть и рѣчи: бабушка жила „панею на всю губу". Не разъ къ ней пріѣзжали сваты по Ганнусю, но Ганнуся „пручалась", она была далека отъ семейной жизни. Бабушкѣ и самой не хотѣлось оставаться одной, „на самоти, сыротыною". Ганнуся боялась выйти изъ-подъ теплаго материнскаго крыла. Всѣ ея помыслы укладывались въ рамкахъ желаній ея матери. Она по цѣлымъ днямъ шила, вышивала, мережала, ходила по садочку, пѣла пѣсни съ Акулиною. Придетъ „свято", работать грѣшно— она молится Богу, читаетъ церковныя книги. Бабушка не разъ замѣчала ей, что пора пришла и проходитъ уже замужъ идти, что ей уже скоро „стукне три десятка".

— На що мени замижъ ийти? Хиба мени тутъ погано, чи що? отвѣчаетъ стыдливо дочка.

— А старисть прыйде, до кого ты прыхилышься, хто тебе боронытыме видъ лыхои годыны?..

— Браты заборонять, неувѣренно отвѣчаетъ она.

— А колы золовкы грызты тебе почнуть?

— У черныци пійду... рѣшительно отвѣчаетъ Анна Матвѣевна.

Противъ такого аргумента бабушка не можетъ найти возраженія: она сама была глубоко набожная

— Уже чого-чого не робылы, говорила мнѣ-мальчугану старуха Килина, щобъ тётиньку замижъ выдать, ничого не зробылы...

— Такій вже мій таланъ несчастный, про себя замѣчаетъ тетушка, вертя спицами съ начатымъ чулкомъ.

Она была крайне молчалива, даже безразлична, сколько я могу припомнить изъ моего давнопрошедшаго.

Вѣроятно, живя съ бабушкою, она была ниже травы, тише воды, была во всемъ покорна волѣ матери. А воля у бабушки была твердая. Она привыкла, чтобы ей всѣ поклонялись, сторонились съ пути. Она чуяла и сознавала, что довела своихъ „сынивъ-соколивъ до розуму". Старшій изъ нихъ блистательно окончилъ университетъ и служилъ въ Москвѣ въ сенатѣ, а „меньшенькій буде генераломъ".

Каждый праздникъ бабушка ѣздила въ Сахновку обѣдню слушать и помолиться на могилѣ Матвѣя Ивановича. Его тѣло лежитъ подъ самою церковью, а памятникъ—большой камень съ желѣзнымъ крестомъ на немъ,—пріютился въ уголку между „бабинцемъ" [1]) и церковью. Съ нею, конечно, ѣздила всегда и Ганнуся. Въ церкви она имѣла свое мѣсто, на „килимку" [2]). Послѣ обѣдни батюшка выносилъ бабушкѣ большую просфору съ вынутыми частичками. Она стояла передъ своимъ большимъ, въ серебро оправленнымъ образомъ. Ей одной подносился священникомъ крестъ, а затѣмъ онъ становился снова въ царскихъ вратахъ. Сахновскіе и рогозинскіе паны, пани и панночки отъ креста шли привѣтствовать бабушку. Въ ненастную погоду она молилась Богу дома, при чемъ каждый разъ батюшка присылалъ ей просфору, или большею частью привозилъ самъ и оставался со своею семьею обѣдать на хуторѣ.

Какъ кажется, съ Березномъ она не имѣла особыхъ сношеній. Если тамъ и остались дальніе „родичи" мужа, то она ихъ игнорировала, вслѣдствіе ихъ невысокаго происхожденія. Въ Березно она посылала приказчика на базаръ за покупками, на

[1]) Сѣверное и южное крылья (пристройки) крестообразной церкви, въ которыхъ стоятъ бабы-старухи въ „намиткахъ".

[2]) Коврикѣ.

почту „за листамы"; земныя произведенія, какъ то: хлѣбъ, „худобу", кабановъ и пр. она продавала на мѣстѣ скупщикамъ.

Бабушка любила общество и была постоянно окружена приживалками. Понятно, онѣ предъ нею раболѣпствовали, разсказывали „про старовину", отгадывали сны, гадали, „звеселялы" и „разгонялы тугу". Въ праздничные дни къ ней съѣзжались сосѣди изъ хуторовъ на „бенкеты".

— Бувало, якъ зберутся гости, то нигде ихъ и розмистыты, разсказывала мнѣ „стара Давыдыха".

Жизнь шла тихо, мирно, безмятежно. Въ извѣстные сроки бабушка получала письма отъ сыновей „зъ Москвы и зъ полку". Она ихъ читала, перечитывала, прочитывала своимъ сосѣдямъ, и, вдоволь начитавшись, складывала съ ранѣе полученными, перевязывала тесьмою и запирала въ „ковану скрыньку".

Но чорная туча появлялась на ея горизонтѣ; она надвигалась ближе и ближе, угрожала и ливнемъ, и грозою... Бабушка это чуяла материнскимъ чутьемъ, инстинктомъ. У нея „за думою дума роемъ вылитала", она томилась, ночи не спала. Она испытывала такое состояніе, какое испытываютъ нервные субъекты предъ наступленіемъ грозы.

Основаніе чутья было осязательно: „немае тры мисяци листу".

— Може й вмеръ мій голубъ сызый, говоритъ бабушка сосѣдкѣ.

— А вы отщо зробить, добродійко. Скажить батюшци, щобъ по нему панихиду одправывъ: заразъ звистка прыйде, чы винъ жывъ, чы ни.

У бабушки и сонъ пропалъ, а заснетъ—страхи снятся. Являются гадальщицы, а за ними и ворожеи. Она уже приказывала „старцивъ [1]) на обидъ склыкать". Явилось человѣкъ пятьдесятъ „старцивъ и старчихъ". Слѣпой Терешко атамановалъ за обѣдомъ, а послѣ обѣда пѣлъ „божественне: Исуса Прелюбезного, про Почаевску Божу Матирь, про Иржавецьку, що голосыла [2]), про той свитъ и др. Бабушка посылала на часточку и у Домницу, и у Городище, и у Рыхлы. А письма нѣтъ и нѣтъ.

[1]) Нищихъ.

[2]) Плакала.

Насталъ и 1819-й годъ. Зима была холодная, снѣжная. Въ серединѣ марта проглянуло солнышко и своими лучами немного согрѣло холодный воздухъ. Пришелъ воскресный день, и бабушка поѣхала съ Ганнусею въ Сахновку къ обѣднѣ. Изъ Сахновки она пріѣхала домой къ обѣду безъ гостей, хотя изъ Березна привезено было много свѣжей рыбы, такъ какъ шелъ великій постъ. Въ одно время съ нею возвратился съ рыбой и посланецъ ея.

— А що нема лыста?

— Немае, пани, отвѣчалъ посолъ.

Она сѣла за обѣдъ съ Ганнусею, но ничего не могла ѣсть: мрачныя думы овладѣли всѣмъ ея существомъ.

Послѣ обѣда Ганнуся ушла въ свою комнату, а бабушка сѣла раскладывать пасьянсъ—„колодезя“. Карты складывались уже къ старой и счастливой развязкѣ пасьянса, какъ къ ней стрѣлою влетѣла Килина.

— Якись руськи прыйихали зъ хурамы и богато-богато чогось прывезлы. Кажуть, що видъ Константина Матвіевича.

Бабушка смѣшала карты, велѣла позвать руськихъ, а сама стала поправлять на головѣ „очипокъ“ [1]).

Фуры въѣхали во дворъ. Ихъ сопровождало нѣсколько подводъ съ женщинами и дѣтьми. Физіономіи и костюмы пріѣхавшихъ были непривычными для бабушки. Вошли 2—3 мужика въ полушубкахъ, а съ ними и дворня бабушкина. Старшій мужикъ выступилъ впередъ, отвѣсилъ поклонъ старухѣ и проговорилъ:

— Молодой король вашъ и молодая королева челомъ бьютъ вамъ, сударыня.

Бабушка строго посматрѣла на него, выпрямившись.

— Якій тамъ король зъ королевою?

— Константинъ Матвѣевичъ, послѣдовалъ отвѣтъ.

— Се мій сынъ меньшій. Може прыйихавъ винъ?

— Никакъ нѣтъ, сударыня.

Бабушка остолбенѣла. Кровь то приливала къ ея лицу, то отливала.

---

[1]) Чепчикъ или правильнѣе—повязка, головной уборъ.

— Що це таке: никакнитъ?

Обѣ стороны съ трудомъ понимали другъ друга. Наконецъ выяснилось, что отецъ мой женился безъ родительскаго благословенія, женился въ воронежской губерніи и прислалъ приданое своей молодой жены съ десятками крѣпостныхъ. Такое извѣстіе возмутило бабушку до глубины души. Она бросилась въ комнату къ Ганнусѣ и вдвоемъ съ нею горько зарыдала. Ея материнская гордыня была поругана, опозорена. Ея сынъ, ея „дытына“ рѣшился жениться безъ ея „порады“, безъ ея „материнаго“ благословенія. Она рѣшилась не признавать этого брака и рѣшила твердо. Нѣжная материнская любовь у ней уступила свое мѣсто чувству негодованія, злобѣ, мести. Привезенное богатство, по приказанію бабушки, было свалено въ сарай (возовню).

— Хай воны згніють тамъ, у мене й свого добра довольно, такъ рѣшила бабушка.

Переселенцы разбрелись съ лошадьми и повозками по хутору.

Событіе это приблизительно такъ разсказывала мнѣ и покойная моя матушка, и прислуга. Въ записной книгѣ моего отца событіе это отмѣчено такъ: „женился 1819-мъ году февраля 5-го дня въ воронежской губерніи на дочери маіора Василія Елисѣевича М—ева, Прасковьѣ Васильевнѣ. Именины ея 26-го іюля“.

Материнское сердце переполнилось желчью. Громовой ударъ вызвалъ горячія слезы, которыя текли ручьями по ея морщинистому покрытому холоднымъ потомъ лицу. Она не могла объяснить себѣ поступокъ Кости, она не могла вѣрить ни пришлымъ „руськимъ“, ни привезеннымъ богатствамъ. Ей трудно было мириться съ мыслью, что всѣ ея разсчеты стерты въ одинъ мигъ. А какіе же были ея разсчеты? Она ожидала, что сынъ ея пріѣдетъ генераломъ и съ нею поѣдетъ „на поглядыны“ въ извѣстныя богатыя мѣстныя семьи, съ молодыми дѣвушками: „до Лизогубивъ, Тарновскихъ, до Скоропадскихъ, до Ханенкивъ, до Борковскихъ и пр.“ Таковы были ея мечты, ея разсчеты. Бабушка рѣшила не признавать брака; ей каза-

лось, что бракъ сына безъ разрѣшенія родителей не можетъ быть признанъ законнымъ, что это не бракъ, что жена ея Кости не жена его, а „полюбовныця“.

Всепрощающая Ганнуся мирилась съ фактомъ брака ея брата, не анализировала его, не вступала въ пререканія съ матерью. Ее интересовали другіе вопросы: „яка ій братова“? не злая ли она? не сварливая ли? „чи чорнява, чи русява? Чи высока, чи нызенька?... Словомъ, ее интересовали будущія отношенія къ ней ея новой родственницы.

Бабушка никого не принимала къ себѣ изъ сосѣдей и сосѣдокъ, ссылаясь на нездоровье. Она заключилась въ самое себя. Она приготовилась ко встрѣчѣ съ сыномъ, съ его молодою женою.

Но дни шли за днями. Снѣгъ сошелъ, деревья стали зеленѣть, покрылись бѣлымъ душистымъ цвѣтомъ. Пришла весна:

Идетъ, гудетъ зе ёный шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!..

Со всѣхъ сторонъ до бабушки доносится весенняя пѣсня:

Люби, покуда любится,
Прощай, пока прощается,
И Богъ тебѣ судья!..

Бабушка любила сына, любила больше прежняго, но не хватало у ней силъ простить ему. Она не обращала вниманія даже и на то, что за ея невѣсткою дали 60 тысячъ рублей ассигнаціями, не считая драгоцѣнностей.

Солнце уже закатывалось къ западу. Въ воздухѣ разносился ароматъ изъ сада, гдѣ цвѣли и „стокротки“, и васильки, и кануперъ, и роза, и „братки“, и „барвинокъ, и усяки-всяки квитки“. Бабушка сѣла на „рундуку одпочиваты“. Она стала поджидать „товару зъ паши“, смотрѣла, какъ таскали изъ колодца „журавлемъ“ воду въ корыта для питья скоту и овцамъ, разглядывала проходившихъ и проѣзжавшихъ по большой дорогѣ мимо двора. Вокругъ нея разливался такой благодатный

миръ, такая тишина, что старуха отрѣшилась отъ самой себя и обратилась въ частицу окружавшей ее природы, стала инертнымъ существомъ. Но она очнулась вдругъ, услышавъ доносившіеся издали голоса и завидѣвши поднявшуюся за хуторомъ пыль столбомъ. Она стала ловить голоса, начинала разбирать звуки:

— „Трогай, голубчики, трогай!..

На хуторѣ показался тяжелый большой экипажъ восьмерикомъ, съ двумя, „хвалеторами". Тяжко забилось у ней сердце, сперлось дыханіе. Она вскочила, какъ ужаленная змѣею, съ „дзыглыка" [1]) и ускользнула въ покои, когда дорожній дормезъ заворачивалъ къ ней во дворъ.

Наступила потрясающая сцена...

Я не въ силахъ передать эту сцену со словъ моей покойной матери. Изъ ея разсказа въ моей дѣтской головѣ остались одни обрывки. Нужно имѣть особый даръ воспроизвести эту сцену, имѣвшую мѣсто 72 года тому назадъ...

Бабушка не допустила къ себѣ на глаза молоденькую жену любимца сына.

— „Вона московка, я й не зрозумію іи", рѣшительно заявила она сыну.

Молодой четѣ отведены были три комнаты въ домѣ справа, зала, кабинетъ и гостинная съ выходомъ въ садъ. Мать моя рыдаетъ, бабушка рыдаетъ, Ганнуся рыдаетъ, а отецъ то утѣшаетъ и ласкаетъ молодую жену, то обнимаетъ и цѣлуетъ старуху мать.

Проходитъ день за днемъ, но все остается по старому. Бабушкинъ дворъ принялъ характеръ зачумленнаго мѣста: никто не рѣшается завернуть въ него, никто не рѣшается громко сказать въ немъ. Все въ немъ словно замерло, покрылось чернымъ савапомъ. Даже проголодавшіеся любимцы—псы бабушкины, Кундель и Лисичка, перестали лаять и бросаться на прохожихъ и проѣзжихъ.

Но съ фактомъ нужно мириться, нужно было искать выхода...

---

[1]) Стула.

Выходъ былъ найденъ. Бабушка согласилась вырубить сосновый боръ отъ кошаръ по „ривчакъ“, дорогу и до самаго хутора, т. е. на площади около десяти десятинъ. Она благословила устроить „новый двиръ“. Она взяла даже на себя постройку дома и службъ, а также разведеніе фруктоваго сада. Рѣшено было построить на каменномъ фундаментѣ домъ изъ 8-ми комнатъ съ двумя сѣнями, лакейскою и кладовою и съ „выходомъ“ [1]) подъ домомъ; поварскую съ комнатою для повара и хозяйскою; кухню съ людскою для челяди; красную кладовую; четыре амбара въ саду съ четырьмя надъ ними комнатами (т. е. горницею); черный дворъ съ амбарами, ледникомъ, каретнымъ сараемъ, конюшнею, колодцемъ, „повитками“ для телѣгъ и орудій, хлѣбнымъ магазиномъ и колодцемъ. Въ саду избрано было мѣсто для бани съ предбанникомъ. Короче сказать, бабушка не жалѣла ничего для своего сына.

Отецъ мой повелъ, секретно отъ матери, Ганнусю къ своей молодой женѣ. Ганнуся бросилась къ ней на шею, обняла ее, прижала къ своей груди, согрѣла своимъ поцѣлуями сиротку на чужой дальней сторонѣ. Мать моя, женщина 15—16-ти лѣтъ, плакала и день и ночь. Ее не могъ утѣшить любимецъ ея мужъ и отецъ будущаго ея ребенка. Она очутилась въ роли затворницы, преступнаго существа. Ее согрѣла только Ганнуся, за что она отплатила ей первою своей улыбкою въ домѣ свекрови.

Все, все разбивалось о козацкую твердую волю моей бабушки, все покорялось ея волѣ!

Жить у свекрови лишній день было не подъ силу больной молоденькой женщинѣ. Снова подъ крыльцо подъѣхалъ восьмерикъ и унесъ съ собою молодую чету. Бабушка обняла своего любимца, цѣловала его, обливала слезами, но... не хотѣла видѣть „московку“.

Проводивши сына въ полкъ, бабушка взгрустнула, а затѣмъ энергически принялась рубить до самаго „ривчака“ старый сосновый боръ, чтобы очистить мѣсто подъ „селитьбу“ [2]),

[1]) Подваломъ.

[2]) Усадьбу.

т. е. подъ дворъ, и садъ. Все у ней было свое: „и майстри [1]), и деревня [2]), и цегла [3]). Пильщиковъ она выписала изъ Добрянки [4]). Пошла заготовка бревенъ, досокъ, шелевки, выкорчевка пней. Бабушка цѣлые дни проводила на новомъ дворѣ, направляла каждую работу, присутствовала во время „снидания [5]), обида и вечери“ [6]) рабочихъ. Ѣда безъ чарки не обходилась: пили рабочіе за ея здоровье, за здоровье молодого пана, молодой пани. Бабушка стала примиряться мало-по-малу съ мыслью о женитьбѣ сына. Она благодарила рабочихъ за тосты, шутила.

— Побачите ще, яка буде молода пани. Може така выйде зъ неи злюща, що усихъ зъисть, шутила она. До мене прывыклы, а до неи ще прывыкать треба.

Къ работѣ были привлечены и крѣпостные матери. Имъ въ Рогозкахъ было лучше, нежели въ Россошкахъ [7]). Они сошлись съ крѣпостными бабушки. Они получили уже новыя прозвища: Голубятникова уже называли Голубомъ, молодого парня Романова—Романченкомъ и пр.

Отецъ мой ѣздилъ въ августѣ мѣсяцѣ къ минеральнымъ водамъ для излѣченія ранъ, конечно за границу. Онъ показывалъ чужія страны своей молодой женѣ. Они посѣтили европейскія столицы. Въ родословной рукою моего отца записано: „Родилась дочь Софія 1819-го года ноября 27-го дня; именины ея 17-го сентября“ [8]).

Съ наступленіемъ весны 1820-го года бабушка „заходылась сыну будынки будоваты, сады садыты, городы городыты“. Съ восходомъ солнца она была уже на работахъ. Она была польщена, что внучкѣ дали ея имя. Она торопилась постройками, чтобы

---

[1]) Мастера.

[2]) Лѣсной матеріалъ.

[3]) Кирпичъ.

[4]) Слоб. Добрянки, городнянскаго уѣзда, населенная старовѣрами.

[5]) Завтрака.

[6]) Ужина.

[7]) Сел. Россожки, нижне-дѣвицкаго у., воронежской губ.

[8]) Нынѣ благополучно здравствуетъ съ правнуками въ Казани вдовою Дороховой.

„осадить сына зъ унучкою“. Она рисовала въ своемъ воображеніи портретъ малютки: „русява—въ мене и втишна, якою я була маленькою. Моя у неи кривъ, мое тило, моя душа“. Бабушка тосковала за внучкою и, посылая въ церковь на часточку, писала въ заздравіи свое имя первымъ, а на концѣ писала „младенца Софіи“. Ради этого младенца, она увеличила и приношенія на церковь и вознагражденіе священнику, „щобъ краще молывся“.

Къ зимѣ постройка новаго дома со всѣми службами была окончена. Бабушка торопила сына выйти въ отставку, ссылалась въ письмахъ къ нему на лѣта, на недуги, опасалась за здоровье своей маленькой внучки, въ которой сосредоточивались всѣ ея радости и надежды, вся ея любовь, вся вѣра: Ганнуся обрекла себя на роль няньки:

— Буду сама пеленать и пестыть [1]), никому не дамъ и подывытысь на дытыну, заявляла она.

Въ аттестатѣ отца значится: „Въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ. Женатъ на дочери отставнаго маіора М—ева, Прасковьѣ. Къ повышенію чиномъ аттестованъ достойнымъ.— 1821-го года генваря въ 23 день по Высочайшему приказу уволенъ отъ службы за ранами маіоромъ съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованія“.

Возможно предполагать, что отецъ мой, подавши прошеніе объ оставкѣ, тотчасъ же двинулся въ путь къ себѣ на родину съ красавицей женой и годовымъ ребенкомъ, тезкою бабушки. Путь былъ далекій изъ Россошекъ въ Рогозки, хотя и не особенно трудный—санный. Бабушка въ окошечко вызирала внучку, обставляла новый домъ мебелью, снабжала всякою утварью. Все въ домѣ бросалось въ глаза своею новизною и только въ углу въ спальнѣ, гдѣ она устроила „Божницу“ [2]), выдѣлялся старый фамильный образъ пяти святыхъ подъ серебряною ризою. Передъ нимъ и день и ночь теплилась лампадка. Только по осмотрѣ ею закрывались вьюшками печи, изъ опасенія угару.

---

[1]) Пянчить.

[2]) Мѣсто, гдѣ висятъ образа.

Домъ стоялъ въ глубинѣ двора; на срединѣ его было большое широкое крыльцо съ навѣсомъ на четырехъ столбахъ; входная дверь вела въ сѣни, направо—лакейская, а за нею—большая зала; изъ залы шла дверь въ прихожую, а изъ нея направо въ кабинетъ, а налѣво—въ гостинную. Изъ гостинной выходъ былъ въ садъ на балконъ и въ спальню; изъ спальни одна дверь вела въ угловую комнату—дѣтскую, выходящую окнами въ садъ, а другая—въ столовую, глядѣвшую во дворъ; рядомъ со столовой по фасаду и дѣтской по разрѣзу была „дивоча“ [1]), а изъ нея—выходъ въ сѣни, рядомъ съ которыми находилась кладовая. Часть сѣней была отгорожена толстыми досками, закрывавшими ходъ на „гору“ [2]) и тѣсный уголокъ—для нуждъ хозяевъ.

Молодая чета должна была ѣхать чрезъ Березно, гдѣ уже находился нѣсколько дней конный „вартовый“ [3]), обязанный заранѣе сообщить бабушкѣ о выѣздѣ молодого пана изъ этого крайняго пункта. Челядь новаго двора была уже на своихъ мѣстахъ. Она организована была изъ крѣпостныхъ матери. Бабушка ожидала молодыхъ, или точнѣе—внучки, къ обѣду. Ее стѣсняла нѣсколько первая встрѣча съ „московкой“, но въ представленіи ея „московка“ была на послѣднемъ планѣ. Вартовый прискакалъ и заявилъ, что „молоди“ переѣхали уже „царскій шляхъ“ [4]). Бабушка вышла на крыльцо встрѣчать гостей въ дорогомъ шелковомъ „шушунѣ“ и въ „капурѣ“ на головѣ. Ганнуся раньше еще стояла на крыльцѣ и „млила“ отъ нетерпѣнія.

День былъ тихій, морозный. Послышался на хуторѣ звонокъ, и крытый возокъ тройкою съ выносными въѣхалъ въ новый дворъ. Вся челядь выскочила на встрѣчу.

Возокъ подъѣхалъ къ крыльцу. Настали трогательныя минуты встрѣчи. Ганнуся выхватила у матери изъ возка малень-

---

[1]) Для дѣвушекъ.

[2]) Чердакъ.

[3]) Сторожъ.

[4]) Обсаженная деревьями широкая дорога на полпути между м. Березномъ и м. Рогозкими.

кое существо и стремглавъ направилась съ нимъ въ покои. Бабушка цѣловала сына и съ неохотою дала поцѣловать себя моей матери. Она приняла ее сухо, не проронивъ ни звука. Когда всѣ вещи были положены на свои мѣста, старуха приказала пригласить изъ стараго двора пріѣхавшаго еще спозаранку сахновскаго священника съ причтомъ. За нимъ ввалилась въ залу вся челядь обоихъ дворовъ. Сперва совершено было освященіе дома и окропленіе его святою водою, а затѣмъ молебенъ о здравіи. Молились о здравіи „Софіи, воина Константина, Параскевы и младенца Софіи".

Послѣ молебствія сѣли всѣ за обѣдъ. Въ тоже время сѣли за импровизированный возлѣ кухни обѣдъ вся дворня и хуторяне. Распорядитель „людского обиду" былъ старый войтъ (приказчикъ) Пилипъ Евхименко.

Ганнуси не было за обѣдомъ: она возилась съ Сонею въ дѣтской, укладывала ее въ маленькой липовой кроваткѣ, сдѣланной по указанію бабушки, на каткахъ подъ ножками. Она кормила Соню манною кашкою на молокѣ. Бабушка была въ восторгѣ отъ Сони.

— Така-жъ русява, якъ и я була колысь.

Она воображала самое себя въ своемъ дѣтствѣ, она переносилась въ свое далекое прошлое, въ свое давнопрошедшее.

Обѣдъ прошелъ скоро. „Отецъ батюшка" разсказывалъ семейную хронику рода М—въ, про жизнь въ Березномъ. Одной только матери моей было не по-себѣ. Она видѣла вокругъ себя все чужое, она чувствовала крайнюю усталость. Ссылаясь на нездоровье, она ушла послѣ третьяго блюда изъ-за стола въ свою комнату.

— Ты бережы ій, сказала бабушка сыну, вона молода ще, до розуму не дошла, та ще й послидни дни ходыть.

Мать моя дѣйствительно переживала послѣдній мѣсяцъ беременности. Еще наканунѣ была приглашена по этому поводу мать войта „бабкою" [1]).

Дальность пути, тревожныя ожиданія встрѣчи, разлука съ родными въ Россошкахъ, все это тяжело отражалось на моло-

[1]) Акушеркою.

дой женщинѣ. Она слегла въ постель и запершись толковала долго вдвоемъ съ старою „войтыхою"! О Сонѣ она не безпокоилась, зная, что при ней находится новая мать—Ганнуся. Въ ночь на 1-е февраля у матери появились сильныя боли въ крестцѣ. Войтыха ни на шагъ отъ нея не отходила. Въ теченіе дня къ больной нѣсколько разъ приходила бабушка, сидѣла возлѣ нея, брала за руку, цѣловала въ голову. Отца не впускали въ спальню, „бо це бабське дило". Къ вечеру страданія усилились, больная металась, кричала. Выходя отъ нея, бабушка объявила сыну, чтобы не называть, если родится мальчикъ „Матвійкомъ", такъ какъ онъ сильно мучитъ мать свою. Она предоставила Костѣ дать имя мальчику, какое захочетъ „Параска", т. е. сама мать. Войтыха примѣняла уже многія средства, но страданія не уменьшались. Она подкурила больную „яловцемъ" [1]), разорвала у больной рубаху черезъ ноги; заставляла отца снять свою сорочку черезъ ноги; по ея требованію, отецъ пролазилъ подъ кроватью больной. Къ ночи боли усилились. Войтыха зажгла „родовницю" [2]) передъ образами, приказала растворить всѣ двери въ домѣ, посылала за ворота узнать имя перваго „старца", чтобы дать его новорожденному. Ничего не помогало. Рано утромъ 2-го февраля была послана въ Сахновку за священникомъ „ниточанка" [3]).

Вслѣдъ за пріѣздомъ священника настали роды; минуту спустя, появился на свѣтъ Божій слабый мальчикъ. Въ родословной моего отца записано такъ: „Родился сынъ Василій 1821-го года февраля 2-го дня и умре, поживъ только 3 часа и окрещенъ".

Матушка начала скоро оправляться. Недѣли черезъ двѣ войтыха позволила ей оставить постель. Отецъ мой не отходилъ отъ нея ни на шагъ, ласкалъ свою Парашу, цѣловалъ. Съ выздоровленіемъ матери складывалась мало по малу новая жизнь въ новомъ дворѣ. Въ первыхъ числахъ марта мать моя отпра-

---

[1]) Можевеловыя ягоды.

[2]) Вербная свѣча. Ее зажигаютъ, надѣясь, что младенецъ явится на свѣтъ такъ легко, какъ Іисусъ Христосъ вошелъ въ Іерусалимъ.

[3]) Плетеная изъ прутьевъ бричка.

вилась въ первый разъ въ старый домъ. Бабушка встрѣтила ее непривѣтливо, сухо. Весь разговоръ ихъ ограничивался отрывочными фразами. Главною темою разговора служила маленькая Соня, проводившая большую часть дня въ старомъ домѣ возлѣ Ганнуси, которая обрекла себя добровольно на роль ея няни.

Наступила ранняя, теплая украинская весна, принесшая новый запасъ силъ разслабленной матери моей. Отецъ познакомилъ жену со всѣми хуторными панами; ѣздилъ съ нею къ окрестнымъ дворянамъ, въ Черниговъ—къ замужней сестрѣ своей. Съ наступленіемъ лѣта сложилась вполнѣ жизнь обособленныхъ двухъ дворовъ, стараго и новаго. Бабушка не желала вмѣшиваться въ жизнь сына, выдѣлила ему часть пахоти, лѣса, сѣнокоса, пастбищъ. Близъ усадебъ лежали два огорода—старый и новый. На старомъ огородѣ была „сажалка“ [1]), огороженная частоколомъ; на новомъ—двѣ копанки. И тамъ, и тамъ водились въ большомъ количествѣ караси, лины, вьюны, раки и пьявки. Вокругъ сажалки росли кусты малины, были грядки съ клубникой, съ черною смородиною. Усадьбы матери и сына были отгорожены плетнемъ, черезъ который устроенъ былъ перелазъ. Чтобы попасть изъ стараго въ новый дворъ, нужно было сперва выйти на проѣзжую дорогу. Мать моя скоро сроднилась съ новою ея родиною и нисколько не тяготилась недружелюбнымъ отношеніемъ къ ней свекрови. Проходили мѣсяцы, а бабушка и ногой не ступила въ новый дворъ. Появленіе ея у сына связывалось только съ появленіемъ на свѣтъ внука или внучки. Мать мою она признавала если не вполнѣ чужою, то разбившею ея завѣтныя мечты имѣть свою невѣстку изъ важнаго малороссійскаго рода. Отецъ мой часто посѣщалъ свою мать, ходилъ къ ней за „порадою“ [2]), за разрѣшеніями. Сознавая свое первенство, она жила прежнею жизнью. Всѣ старые знакомые ее по прежнему посѣщали, пользовались ея гостепріимствомъ, ея помощью. Молодое поколѣніе тянуло больше на новый дворъ, гдѣ чувствовалась молодая жизнь, гдѣ больше было раз-

[1]) Прудъ.

[2]) Совѣтомъ.

влеченій, больше шуму и смѣха. На Рождество и на Пасху пріѣзжали съ поздравленіемъ сперва къ бабушкѣ, а потомъ уже къ отцу моему. Бабушка выѣзжала изъ дому очень рѣдко и, главнымъ образомъ, въ Сахновку помолиться въ церкви, или „отправить панихвиду“ на могилѣ „старого“, т. е. моего дѣдушки. Она служила панихиды на его могилѣ въ день его рожденія, въ день именинъ и въ день смерти. Ее сопровождала всегда въ поѣздкахъ Ганнуся, проводившая всѣ дни съ утра до вечера у брата возлѣ Сони. Соня росла „якъ утятко на води“, болтала, слушала „казки“.

Господь Богъ благословилъ моихъ родителей дѣтьми. Въ родословной книгѣ отцемъ написано: „Родилась дочь Варвара [1]) 1822-го года генваря 2-го дня, именины ея 4-го декабря“. Вслѣдъ за этою записью слѣдуетъ: „Родилась дочь Надежда [2]) 1823 го года октября 27-го дня, именины ея 17-го сентября“. Далѣе, записано: Родилась дочь Вѣра 1825-го года апрѣля 14-го дня, именины ея 17-го сентября“. За Вѣрою показано: „Родился сынъ Василій [3]) 1826 года іюня 30-го дня, имепины его 12-го апрѣля“. Послѣ Василія „родился сынъ Матвѣй 1828-го года апрѣля 23-го дня; 1829-го марта умре“.

Смерть послѣдняго сына вызвала много слезъ и въ новомъ домѣ, и въ старомъ. Въ лицѣ его бабушка видѣла портретъ своего покойнаго мужа.

— Отце и батькивъ синъ, и дида, и прадида, говорила она, по словамъ моей покойной матери.

Въ лицѣ старшаго своего внука она не находила знакомыхъ и дорогихъ ей чертъ своего мужа.

— „То матчинъ сынъ“, отзывалась она о немъ. „У него уся матчина врода“.

Въ слѣдующемъ году родились двойни. Въ родословной о нихъ записано такъ: „Родилась дочь Любовь [4]) 1831-го года

---

[1]) Нынѣ вдова доктора Лучинская.

[2]) Умерла дѣвицею.

[3]) Нынѣ здравствующій.

[4]) Умерла 22 іюля 1853 года, въ замужествѣ Тищенко.

февраля 15-го; того же числа родился сынъ мертвой, коего нарекли Константиномъ".

Такимъ образомъ, въ первые двѣнадцать лѣтъ супружества у родителей моихъ было девять душъ дѣтей, а на лицо шестеро: пять дочерей и сынъ. Забота о дѣтяхъ была не подъ силу одной теткѣ; къ дѣтямъ были приставлены старуха-няня изъ хутора, изъ крѣпостныхъ сахновцевъ. Бабушка видимо стала дряхлѣть. О выѣздахъ ея не могло быть и рѣчи. Она жаловалась на боли въ ногахъ и съ трудомъ переходила изъ комнаты въ комнату. Дѣтскій шумъ раздражалъ ея нервы, почему дѣтей приводили только въ большіе праздники къ ручкѣ бабушки. Она не отпускала отъ себя Ганнусю. Такимъ образомъ, жизнь двухъ семей болѣе и болѣе обособлялась. Завѣдываніе всѣми землями, лѣсами и лугами бабушка передала въ руки сына. Хозяйственныя заботы ея ограничились одною только усадьбою.

Съ наступленіемъ новаго 1832 года боли въ ногахъ у бабушки увеличивались, при чемъ проявились признаки водяной. Изъ Березна привозили къ ней подлѣкаря, по совѣту котораго больная пила отваръ яловцю. Съ наступленіемъ великаго поста она уже не оставляла постели. Ее навѣщали старухи-сосѣдки, разсказывали ей случаи тяжкихъ заболѣваній и выздоровленій. Бабушка не вѣрила въ возможность выздоровленія и спокойно заявляла.

— Ни, вже мени не топтаты земли, це моя до мене прыйшла.

Всю ночь съ 21-го на 22-е апрѣля 1832 г. не тушили въ старомъ домѣ свѣчей; лампадки теплились уже около недѣли во всѣхъ комнатахъ передъ образами. Отецъ не отходилъ отъ постели умирающей матери. Рано утромъ 22-го апрѣля посланы были въ Сахновку экипажи за священникомъ и причтомъ. Вслѣдъ за пріѣздомъ священника она пригласила къ себѣ всѣхъ членовъ семьи для благословенія. Сперва упалъ на колѣни передъ нею мой отецъ и горько рыдалъ. Бабушка твердымъ голосомъ дала ему нѣсколько наставленій. За отцемъ стала на колѣни мать. Она завѣщала ей любить ея сына:

— Воно у мене хороша дытына и добра людына. Дывысь за нымъ, доглядай дитокъ маленькихъ, доводь ихъ до розуму.

Благословила бабушка Ганнусю, благословила внучекъ и внука, за ними прислугу, дворню. Каждому она давала наставленіе. Всѣ окружавшіе ее стояли молча, хотя у каждаго слезы лились ручьями. Прощанье съ близкими истомило бабушку, довело до обморока. Она откинула на подушку голову, закрыла глаза, изъ которыхъ выкатились двѣ крупныя капли. Обморочное состояніе продолжалось минутъ пятнадцать. Передъ семейнымъ образомъ горѣла „четвергова“ [1]) свѣча. Въ комнатѣ умирающей стояла мертвая тишина, каждый затаилъ дыханіе, боялся шелохнуться. Многіе думали, что бабушка испустила уже духъ свой, но румянецъ игралъ на морщинистомъ лицѣ ея, а грудь тихо колебалась отъ медленнаго и неровнаго дыханія. Когда она очнулась, то тотчасъ выразила желаніе исповѣдаться и причаститься. Всѣ были удалены изъ спальни; остался при умирающей только священникъ. Послѣ исповѣди снова наполнилась комната близкими, въ присутствіи которыхъ бабушка причастилась. Послѣ причастія начался обрядъ соборованія. Казалось, бабушка стала свободнѣе дышать, и тусклыя глаза ея просвѣтлѣли. Но она больше не говорила и только нѣжно гладила голову стоявшему на колѣняхъ у ея изголовья отцу моему. Взоры всѣхъ присутствовавшихъ не сходили съ закрытыхъ глазъ старухи. Лицо ея было полно покоя, полно довольства; на блѣдныхъ губахъ ея выражалась улыбка. Нервно она отбросила свою руку на грудь отъ головы сына, вытянулась и тяжело вздохнула... То былъ ея послѣдній на землѣ вздохъ.

Похоронили ее въ Сахновкѣ близъ церкви, рядомъ съ могилою ея мужа. Похоронный обрядъ совершали нѣсколько священниковъ. Тѣло ея провожали всѣ рогозинскіе хутора въ нѣсколько сотъ душъ. Крестьяне и большинство сосѣдей-помѣщиковъ шли всю дорогу пѣшкомъ.

Она похоронена въ дубовомъ выдолбленномъ гробѣ, приготовленномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ головахъ въ могилѣ положили съ одной стороны жбаночокъ жита, а съ другой—„сулію горилки, щобъ душечка помершой не голодна була“ [2]).

---

[1]) Зажигаемая во время чтенія 12-ти евангелій.

[2]) Жито и водка найдены были 12 мая 1850 г. при копаніи могилы моему отцу.

Въ родословной рукою моей матери записано по этому поводу такъ: „Умерла Софія Федоровна М—зъ 1832 года 22-го апрѣля, имѣя отъ рожденія 69 лѣтъ“.

Само собою разумѣется, оба двора, и старый и новый, были разгорожены другъ отъ друга. Въ старомъ дворѣ на доскахъ отправлялись „ховтуры“ [1]), на которыхъ участвовало человѣкъ свыше двухъ сотъ. Изъ винницы была выкачена бочка водки. Въ старомъ домѣ поминальный обѣдъ совершали въ залѣ и столовой. Особенно много собралось во дворѣ со всѣхъ сторонъ „старцивъ“. Для нихъ былъ приготовленъ особый столъ, за которымъ „атаманувавъ“ Терешко. Передъ обѣдомъ „старци“ пропѣли хоромъ „псальму“. Обѣдъ продолжался до поздняго вечера. День былъ свѣтлый и теплый. „Частовали“ хуторянъ и нищихъ нѣсколько человѣкъ, и женщинъ и мужчинъ. Послѣ первой „стравы“ [2]), за столами во дворѣ началось пѣніе вѣчной памяти, а затѣмъ многая лѣта. Пѣніе одного и другаго тоста повторялось много разъ. Старци пѣли хоромъ „Про святу пятницу“, „про царицу Софію“ и др. Имя покойной бабушки занесено было священникомъ въ поминальную книжку и исключено изъ перваго ея отдѣла „за здравіе“. Послѣ обѣда послѣдовало распоряженіе родителей моихъ пригласить крестьянъ „на сорокоустъ“ [3]). Смерть бабушки вызвала глубокій трауръ во всемъ домѣ. Ганнуся дала завѣтъ носить все черное до самой смерти. Она заявила съ большею настойчивостью о своемъ желаніи поступить въ монастырь „у черныци“. Отцу моему стоило много труда убѣдить ее отказаться отъ этого намѣренія. Ганнуся заперлась въ старомъ домѣ со своею Килиною и придала этому дому характеръ монастыря. Первое время она вовсе не выходила изъ этого монастыря: ей носили туда и „сниданне“ [4]), и обѣдъ, и „вечерю“ [5]). Она жила мыслью о покойной матери“, ее не при-

[1]) Поминальный обѣдъ.

[2]) Кушанья.

[3]) Обѣдъ поминальный на 40-й день.

[4]) Завтракъ.

[5]) Ужинъ.

тягивали уже къ себѣ ни Соня, ни другія племянницы. Смерть матери до того сильно потрясла ея духовный міръ, что она обратилась мало-по-малу въ молчальницу, прервала всѣ знакомства, сдѣлалась нелюдимою и даже психически больною въ глазахъ простыхъ людей, не способныхъ различать духовный міръ человѣка отъ физическаго.

Въ родословной книгѣ далѣе слѣдуютъ записи: „Родилась дочь Пелагея 1832-го года іюля 27-го дня“, а ниже: „Родилась дочь Анна 1834-го года іюня 10-го въ 7 часовъ вечера“. Къ послѣдней записи рукою моей матери сдѣлана приписка: „Померла 1835-го года августа 12-го дня“. За симъ идутъ слѣдующія записи: „1835-го года октября 10-го родилася дочь Евлампія [1]) въ четвергъ въ вечеру 10 половинѣ“; „1837-го года генваря 26-го дня родился сынъ Митрофанъ [2]) по утру въ 11 съ половиною часовъ, во вторникъ“; „1838 году декабря 8 дня родилась въ четвергъ противъ пятницы ночью 3-мъ часу дочь Анна“ [3]), „1840 года генваря 28 дня родилась дочь Клеопатра“; „1841 года августа 23-го дня въ 3 часа по полудни родился сынъ Даніилъ“. Послѣдними дѣтьми у моихъ родителей были двѣ дочери, изъ коихъ Софія „родилась 1844 года марта 18 дня въ 10 часу вечера“ и Аграфена—1847 года іюля 16 дня.

Такимъ образомъ, у моихъ родителей было 18 дѣтей, а въ томъ числѣ 6 сыновей и 12 дочерей. Мать моя заявляла постоянно, что у нея было 22-е дѣтей, изъ коихъ четверо, незаписанныхъ въ родословную книгу, были мертворожденными, появившимися на свѣтъ двойнями. Послѣ выхода замужъ старшей дочери, у матери было нѣсколько еще дѣтей, почему иногда случалось, что она кормила своимъ молокомъ внука, а старшая сестра—младшую свою сестру. Замужняя сестра моя съ мужемъ и дѣтьми переѣхала въ концѣ тридцатыхъ годовъ изъ Малороссіи въ г. Казань, т. е., по тому времени, чуть ли не на тотъ свѣтъ. При такихъ обстоятельствахъ послѣднимъ дѣ-

[1]) Нынѣ вдова Страховская.

[2]) Умеръ въ возрастѣ 10—12 лѣтъ.

[3]) Умерла въ замужествѣ за докторомъ Вишневскимъ.

тямъ моихъ родителей не пришлось всю жизнь видѣть своей старшей сестры. Переселеніе за три-девять земель побудило моихъ родителей назвать родившуюся затѣмъ дочь именемъ ея старшей сестры, какъ бы въ воспоминаніе о ней.

Д. Морозъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ МОЕГО ДАВНОПРОШЕДШАГО [1]).

Изложивши, на основаніи письменныхъ документовъ и разсказовъ близкихъ мнѣ лицъ, все, что касается моей семьи, мнѣ приходится теперь перейти къ собственному давнопрошедшему, къ періоду моего дѣтства, и, руководствуясь при этомъ исключительно одними воспоминаніями, сообщать одни часто безсвязные отрывки, случайно уцѣлѣвшіе въ моей сѣдой головѣ и нестертые массою воспринятыхъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ въ разныхъ частяхъ Русскаго Царства и во всѣхъ почти государствахъ западной Европы впечатлѣній.

Первые годы моей жизни, какъ и у каждаго человѣка, представляются мнѣ теперь въ густомъ, непроницаемомъ туманѣ. Безъ сомнѣнія, мое появленіе на свѣтъ доставило много радостей и моимъ родителямъ, и всѣмъ окружающимъ меня. Старшій братъ мой, онъ же крестный мой отецъ, былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, внѣ семьи. Онъ уже перешелъ въ это время въ пятый классъ черниговской гимназіи и принималъ характеръ молодого человѣка. Отца и мать окружали восемь дочерей, начиная съ старшей сестры моей Надежы 18-ти лѣтъ; они давно жаждали имѣть сына, признавая дочь—„чужою корыстью“. Такой взглядъ подтверждается реальными фактами: старшая сестра съ дѣтьми уѣхала въ Казань, а слѣдующая за нею перебралась на жительство съ мужемъ докторомъ и дѣвочкою Лизою—въ Нѣжинъ. Богъ не благословлялъ родителей моихъ носителями ихъ фамиліи: сыновья Матвѣй и Митрофанъ умерли

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., № 5.

маленькими, а Костя родился мертворожденнымъ. Но вотъ, молитвы родителей моихъ были услышаны, и Богъ послалъ имъ сына въ 3 часа дня. Въ это время мой дядя занималъ уже высокое служебное положеніе въ Москвѣ и взялъ за женою въ приданое чуть ли не милліонъ рублей. По имени его и назвали меня при крещеніи.

Рожденіе пятнадцати дѣтей, какъ нужно думать, подорвало физическія силы матери моей. Она не могла кормить меня своимъ молокомъ, почему взята была мнѣ съ хутора кормилицею Ганна, жена крѣпостного матери моей, получившаго на хуторѣ фамилію Косого. У Ганны въ то время родился сынъ Юхимъ, который и явился моимъ молочнымъ братомъ. Мамка кормила въ одно время и меня, и своего сына, который, поэтому, явился ближайшимъ товарищемъ всего моего дѣтства. Сестры мои были переведены на жительство къ теткѣ въ старый дворъ. Онѣ являлись въ новый домъ пить кофе, чай, обѣдать, ужинать. Часто мать оставляла ихъ при себѣ и въ теченіе дня „для помощи“, варить варенье, ухаживать за цвѣтами, сушить фрукты, распоряжаться по хозяйству и т. п. Тетка жила въ своей комнатѣ, чуждалась всего, искала уединенія, молилась Богу и вязала чулки чуть ли не на всю семью. Особыя заботы обо мнѣ, кромѣ матери и Ганны, принимала сестра Надя, которой я досаждалъ своими капризами больше всѣхъ. Черезмѣрныя заботы обо мнѣ всѣхъ окружавшихъ развивали въ моемъ характерѣ упрямство. Какъ кажется, отецъ началъ интересоваться мною, когда мнѣ исполнилось пять лѣтъ. Онъ меня сажалъ на свое колѣно и, подталкивая имъ, возилъ ко всѣмъ знакомымъ. Мнѣ живо помнится, какъ, сидя у него на колѣнѣ, я бралъ его за усы и приговаривалъ; „но, косю, но“!.. Или, бывало, возьмемъ мы съ Юхимомъ тихонько чубуки въ гостинной, сядемъ на нихъ верхомъ и скачемъ по всѣмъ комнатамъ. Третьимъ товарищемъ нашимъ былъ Олексій, сынъ повара Гришки, тоже крѣпостного моей матери. Водворившись въ Рогозихъ, онъ женился на хуторской дѣвушкѣ Домнѣ, которая приготовляла прекрасные кренделя, пироги, сдобныя булки, а на страстной недѣлѣ пекла въ пекарнѣ стараго двора папушники. Приготовленіе папушниковъ

начиналось съ перваго дня страстной недѣли и составляло особое въ домѣ событіе: и матушка, и старшія сестры проводили цѣлые дни за приготовленіемъ тѣста. Кухня бабушки обращена была въ ткацкую, гдѣ ткали полотна и, главнымъ образомъ, ковры. Ткацкіе станки и всѣ принадлежности ткацкой переносились на это время во вторую половину зданія, которая при бабушкѣ играла роль людской, т. е. гдѣ помѣщалась ея дворня. Со смертью бабушки эта половина обращена была для разведенія песцовъ (пушистыхъ кроликовъ), изъ пуха которыхъ вязались для семьи теплые головные платки, чулки, носки и перчатки. Всю страстную недѣлю никто изъ мужчинъ не имѣлъ права входа въ ткацкую: она являлась царствомъ женщинъ, при чемъ первая роль принадлежала Домнѣ. Въ свои помощницы она брала Василису, горничную сестеръ, или Стеху, горничную въ новомъ дворѣ.

Съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней я пропадалъ съ товарищами Юхимомъ и Олексіемъ въ саду; мы играли „у кони“, „у мьяча“, переходили изъ саду въ сосновый лѣсъ за „ровчакомъ“, пробирались къ сажалкѣ, на поставникъ, на новый огородъ съ копанками, который охранялъ въ своей будкѣ изъ соломы старый Иванъ. Здѣсь, у Ивана, намъ была „лахва“, раздолье. Въ его распоряженіи была и клубника, и малина, и агрусъ [1]), и смородина, и всякіе плоды земные. Одна часть новаго огорода ближе къ лѣсу была занята молодыми фруктовыми деревьями: вишнями, черешнями, яблоками, грушами. Фрукты въ саду сдавались въ аренду „русскимъ“ изъ Добрянки, т. е. старовѣрамъ. Для дому было оставлено нѣсколько деревьевъ близъ горницы.

Комнаты въ горницѣ обыкновенно занимались временно въ лѣтніе мѣсяцы сестрами. Въ старомъ домѣ было нѣсколько душно и тѣсно. При теткѣ оставались лѣтомъ двѣ старшія сестры. Собственно говоря, горница была выстроена для гостей. Здѣсь обыкновенно помѣщались лѣтомъ братъ-гимназистъ съ какимъ-нибудь товарищемъ; здѣсь устраивалось помѣщеніе и для

[1]) Крыжовникъ.

учителей гимназіи, пріѣзжавшихъ изъ Чернигова погостить къ родителямъ на мѣсяцъ другой. Въ моей памяти сохранились личности почтеннѣйшаго Іануарія Михайловича Невѣрова, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе возобновить знакомство 40 лѣтъ спустя въ Тифлисѣ въ бытность его попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, а также учителя русскаго языка Лузганова, который собиралъ насъ всѣхъ вокругъ себя въ бесѣдкѣ, увитой персидскою лозкою, и декламировалъ стихотворенія. Мнѣ памятно хорошо, какъ онъ выучилъ меня декламировать Бородино и какъ, бывало, поставитъ меня на обѣденномъ столѣ и заставитъ произносить стихи съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Въ раннемъ моемъ дѣтствѣ къ намъ переѣхалъ на постоянное жительство братъ матери Алексѣй Васильевичъ, оставивши свои богатыя имѣнія въ воронежской губерніи въ распоряженіе старшаго своего брата, тоже холостяка, Михаила. Личность дяди Алексѣя заслуживаетъ особаго вниманія съ психической стороны. По окончаніи Московскаго пансіона, онъ поступилъ въ гвардію и, какъ богатый и свѣтски образованный человѣкъ, вращался въ высшемъ аристократическомъ кругу. Шумная жизнь, вино, псовая охота и, главное, женщины разстроили въ конецъ его нервную систему. Въ чинѣ ротмистра онъ вышелъ въ отставку и причислилъ себя къ числу великихъ грѣшниковъ. Будучи убѣжденъ, что его мучитъ „злой духъ“, онъ съ утра до вечера былъ постоянно на ногахъ, переходилъ изъ комнаты въ комнату и заявлялъ всѣмъ, что лишенъ сна и испытываетъ душевныя муки. Онъ помѣщался до самой своей смерти, т. е. около 25-ти лѣтъ, въ кабинетѣ новаго дома. Обладая большими знаніями, слѣдя за политикою по Московскимъ Вѣдомостямъ и Сѣверной Пчелѣ, которыя отецъ мой постоянно выписывалъ, принимая участіе въ бесѣдахъ, интересуясь всякими новостями, онъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что его мучитъ день и ночь „злой духъ“. Переходя изъ комнаты въ комнату, Алексѣй Васильевичъ постоянно восклицалъ: „злый духъ мучитъ“! Эти восклицанія онъ произносилъ постоянно и въ теченіе ночи, что удостовѣряли всѣ, кому приходилось спать въ сосѣдней комнатѣ. Никакія убѣжденія, ника-

кіе доводы не могли разубѣдить его въ томъ, что „злого духа“ вовсе не существуетъ, что онъ грѣшилъ на свѣтѣ столько, сколько каждый грѣшитъ, что его можно признать скорѣе праведникомъ. Всѣ доводы онъ отвергалъ, заявляя каждому, что присутствіе въ себѣ злого духа онъ чувствуетъ такъ же, какъ и присутствіе въ организмѣ его сердца, легкихъ, желудка, что злой духъ постоянно съ нимъ, не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, побуждаетъ его находиться въ движеніи, какъ вѣчнаго жида. Помимо указанной маніи, Алексѣй Васильевичъ былъ вполнѣ нормальнымъ человѣкомъ, отличался хорошею памятью, любилъ общество, интересовался новостями, отличался большою аккуратностью. Сколько помню, изъ дома онъ никогда не выѣзжалъ никуда. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ страстный охотникъ съ борзыми, а поэтому всегда любилъ говорить объ охотѣ. Пребываніе его въ нашемъ домѣ не только никого не тяготило, но было даже желаннымъ для всѣхъ. Старшій братъ его Михайло высылалъ по временамъ отцу моему небольшія суммы изъ доходовъ отъ имѣнія брата на его содержаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что высылаемыя суммы составляли небольшую часть доходовъ изъ части имѣнія дяди Алексѣя.

Дядя и тетка, обрамляя собою нашу семью, составляли двѣ противоположности. Тетка была необыкновенно тучная, дядя—худой до крайности; она была безмолвна, онъ любилъ разсказывать, вмѣшивался во всѣ разговоры, зналъ массу анекдотовъ, часто нецензурнаго свойства, заводилъ споры; тетка избѣгала людей, даже близкихъ, искала одиночества, дядя любилъ общество; тетка относилась къ костюму своему безразлично, дядя любилъ щеголеватость; всѣ интересы семьи были чужды теткѣ, а дядя вмѣшивался во всякія мелочи. Вмѣстѣ съ этимъ, оба они страдали душою, или, выражаясь современнымъ языкомъ—нервнымъ разстройствомъ. Оба они одинаково привязывали къ себѣ всѣхъ окружающихъ необыкновенною добротою и готовностью отказываться отъ всего въ нашу пользу.

Въ центрѣ семьи моей находилась мать. Она распоряжалась всѣмъ имѣніемъ, хозяйствомъ, домомъ и всѣми членами семьи. Проживши до моего рожденія двадцать лѣтъ въ Мало-

россіи, она вполнѣ ассимилировалась съ окружающею ее средою и достаточно хорошо усвоила мѣстную рѣчь. Съ-молоду еще она знала всѣ роды самыхъ тонкихъ рукодѣльныхъ работъ. Сохранившійся у меня до настоящаго времени чехолъ на чубукъ къ трубкѣ отца, вышитый мелкимъ бисеромъ, поражаетъ своимъ изяществомъ и тонкостью работы. Въ длинные зимніе вечера, при отсутствіи гостей, семья моя изображала школу рукодѣлія. И мать, и сестры усядутся за большимъ столомъ въ столовой и работаютъ, имѣя каждый передъ собою сальную свѣчу. Та шьетъ бѣлье, другая вышиваетъ сорочки „заполочью“ [1]) или мережитъ, третья гарусомъ, нанизываетъ бисеръ и пр. А въ „дивичои“ старая Стеха съ Пелагеею, горничныя матери, а также молоденькія сестры Гапка и Надя, горничныя сестеръ, прядутъ куделю на прялкахъ или на гребнѣ. Пелагея занимаетъ первенствующее мѣсто въ средѣ челяди, какъ стоящая ближе всѣхъ къ матери. Стеха—помощница ея; къ ней относятся нерѣдко съ презрѣніемъ и Палагія и „дивчата“.

— Тымъ то тебе нихто й замижъ не бравъ, бо дурна.

Гапка и Надя горничныя сестеръ, являлись двумя красавицами. Молча онѣ не смогутъ усидѣть зимній вечеръ. Большею частью имъ приходится сидѣть въ столовой за работою и распѣвать пѣсни. У нихъ былъ громадный репертуаръ народныхъ пѣсенъ. Что ни вечеръ—новая пѣсня. Обыкновенно, предъ началомъ пѣнія являются „перекоры [2])“ о томъ, кому, „заводыты [3])“.

— А нуте, дивчата, пропойте: „ой чы цвитъ, чы не цвитъ“, заявляетъ мать.

— Нехай Гапка заводыть, замѣчаетъ Надя.

— Починай ты, отвѣчаетъ ей старшая сестра, се твоя писня, ты сама мене вывчыла іи.

Такъ, или иначе, черезъ минуту раздается хоръ:

„Ой чы цвитъ, чы не цвитъ
Калыноньку ломыть,

[1]) Цвѣтная бумага.
[2]) Споры.
[3]) Начинать.

Ой чы совъ, чы не совъ
Головоньку клонить! и т. д.

Мать моя любила пѣніе. Съ пѣснею и работа спорится. Я тоже принималъ участіе въ пѣніи чуть ли не съ пяти лѣтъ, хотя нерѣдко засыпалъ за столомъ. Въ 9 часовъ работы прекращались, и вся семья садилась за ужинъ. А дядя весь вечеръ переходитъ изъ комнаты въ комнату и про себя заявляетъ свое обычное: „злой духъ мучить!“

Мать была отличною хозяйкою. Въ кладовыхъ ея хранились громадные запасы всякаго рода продуктовъ: бочки лѣсныхъ орѣховъ, связки сушеныхъ грибовъ, боченки сушенаго гороху, бобовъ, всякихъ сортовъ варенья. Тутъ же сохранялись полотна, домашняго приготовленія ковры, прядиво[1]). Въ „выходѣ“ хранились разныхъ сортовъ водки, наливки, водянки, боченки съ моченными яблоками. Всякаго рода соленья и маринады сберегались въ ледникѣ, въ которомъ заготовлялись каждый день и молочные продукты. И кладовыя, и выходъ, и ледникъ, и амбары съ хлѣбомъ и мукою запирались на замокъ. Ключи хранились неизмѣнно у матери. Она ихъ довѣряла только старшимъ сестрамъ моимъ.

На рукахъ у матери были и деньги. Приходъ и расходъ ихъ неизмѣнно велъ въ особыхъ книгахъ дядя. Обыкновенно, послѣ захода солнца являлся къ матери съ отчетомъ и за приказаніями приказчикъ Василь, или, какъ его называли крестьяне— войтъ Василь Пилиповичъ Евхименко. Это былъ высокій, плотный и красивый человѣкъ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ моихъ родителей и нѣмымъ нерасположеніемъ крестьянъ. Усадьба его прилегала къ поставнику и была ближайшею къ господской. Старшій сынъ его Семенъ, ровесникъ моего старшаго брата, былъ отданъ мальчикомъ въ школу въ Березно, а затѣмъ парубкомъ и женатымъ человѣкомъ былъ при отцѣ въ качествѣ лакея, хотя жилъ всегда на хуторѣ въ своей семьѣ.

Отдавши отчетъ матери, войтъ съ дядею отправлялись въ кабинетъ для составленія записей. Понятно, онъ былъ состо-

[1]) Нитки.

ятельнымъ человѣкомъ и сумѣлъ отлично обезпечить свою многочисленную семью. Семену помогалъ въ лакейскомъ дѣлѣ впослѣдствіи и младшій братъ его Матвѣй. Василь Пилиповичъ исправлялъ должность войта чуть ли не полвѣка, до времени освобожденія крестьянъ. Ему одному извѣстны были всѣ земельныя угодья, такъ какъ отецъ мой мало вмѣшивался въ хозяйство, а мать знала земли только по имени. Войтъ распоряжался и оранкою, и посѣвами, и жнивами, и свозомъ копъ, и косовицею, и лѣсомъ. Онъ ѣздилъ каждый понедѣльникъ въ Березно на базаръ за покупками, онъ возилъ для продажи туда и зерно, и муку. Словомъ, онъ былъ главный распорядитель имѣнія и довѣренное лицо. Жалобы на него со стороны крестьянъ не могли имѣть мѣста, такъ какъ онъ всегда оставался бы правъ. Съ другой стороны, какъ умный человѣкъ, онъ жилъ въ ладу съ крестьянами, дѣлалъ имъ послабленія и не возбуждалъ противъ нихъ жалобъ.

Мать моя пользовалась во всемъ околодкѣ славою опытнаго врача. Рѣдкій день проходилъ, чтобы къ ней не являлись за совѣтомъ и „зиллямъ [1])“. Она лѣчила, преимущественно, травами. Три большихъ шкафа, наполненные сушеными травами и частью лекарствами изъ черниговской аптеки Цигры, занимали всѣ промежутки между дверями въ сѣняхъ. Каждому гостю, поэтому, входившему съ параднаго входа, приходилось проходить сперва аптеку матери и затѣмъ вступать въ лакейскую. Сборомъ травъ занималась въ извѣстное время года, по указанію матери, Палагія. Въ шкафахъ была и мята, и липовый цвѣтъ, и подъемъ бѣлый и желтый, и малина, и рябина, и сухая горчица, и сушеныя шпанскія мухи, и все то, чѣмъ лѣчился въ старое время народъ въ Малороссіи. Неудивительно, что мать моя была близко знакома съ народною медициною. Частая беременность поставляла ее въ необходимость прибѣгать къ народной помощи, такъ какъ медики были слишкомъ далеко. Къ матери моей обращались преимущественно бабы, принося съ собою яйца, цыплятъ, куръ, масло. Помню живо, какъ одна молодица привела съ собою сына, мальчика лѣтъ 10-ти.

[1]) Травами.

— А що у него таке? спросила мать.

— Та у него таке, що й сказать боязно: усе по хуторамъ бигае. Отце, якъ поснидае, заразъ зъ двору—и шукаемо его днивъ два-три, поки не знайдемо.

Предъ наступленіемъ 3-й четверти луны (гнильця) мать моя обыкновенно съ вечера варила медъ-самотекъ и клала въ него мелко истолченный глистникъ. На другой день рано утромъ приступала къ всеобщей раздачѣ этого лѣкарства. Первымъ получалъ дядюшка, который каждый разъ выражалъ протестъ. Мать моя ему отвѣчала: „помни, что тебя не злой духъ мучитъ, а солитеръ". За дядею принимала его мать и мы, а затѣмъ бѣлая кружка съ лѣкарствомъ передавалась повару Григорію, который обязанъ былъ дать по столовой ложкѣ лѣкарства каждому изъ дворовыхъ людей.

Мать моя была большая любительница домашней птицы и животныхъ. У насъ водилось множество павлиновъ, цесарокъ, шипуновъ, по двору расхаживалъ журавль, а въ особомъ домикѣ на 4-хъ высокихъ столбахъ водились голуби. Число ихъ достигало до 200. Зимою, обыкновенно, расчищали отъ снѣгу во дворѣ предъ окнами дома небольшую площадку, выходила сама мать сзывать голубей колокольчикомъ и кормила ихъ зерномъ. Голуби до того были ручными, что добровольно шли къ рукамъ матери и ѣли съ рукъ ея кормъ. Въ ѣду ихъ никогда не употребляли, и считалось большимъ грѣхомъ ѣсть голубя, такъ какъ въ видѣ его сошелъ на Христа Духъ Святой.

Кромѣ голубей, для матери служили потѣхою мохнатые кролики, или, какъ она называла ихъ, песцы. Они разводились въ большомъ количествѣ. Обыкновенно каждый мѣсяцъ кролика разчесывали и собирали съ него пухъ, изъ котораго приготовлялись чулки, перчатки, платки и пр.

Страсть къ птицамъ и животнымъ сохранилась у меня отъ дѣтства до послѣднихъ дней. Мать моя очень меня баловала, называя единственнымъ сыномъ, такъ какъ братъ Василь жилъ вдали отъ родного очага. Мать отличалась силою характера и въ своей личности сосредоточивала въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія имѣніемъ. Бывало, она разойдется во взглядахъ съ

отцомъ. Начнется споръ, обыкновенно оканчивавшійся полнымъ согласіемъ отца, который въ свое оправданіе всегда заявлялъ: „хочъ лыхо, абы тыхо“. И дѣйствительно, онъ былъ сторонникомъ мира и спокойствія. Мать распоряжалась рѣшительно всѣмъ и часто, въ угоду отцу, посылала приглашать на вечера сосѣдей, ради будто бы именинъ или дня рожденія любимой дочери; мой день рожденія праздновался чуть ли не 10 разъ. Для насъ, домочадцевъ, особымъ праздникомъ была баня въ зимніе мѣсяцы, которая изготовлялась два раза въ мѣсяцъ. Обыкновенно пріѣзжали къ намъ на баню священникъ съ женою и дѣтьми, дьяконъ съ женою и семьи сосѣдей. Баня, дѣйствительно, была устроена роскошно и состояла изъ бани съ полками для паренія и двухъ отдѣльныхъ предбанниковъ. Полъ устилался толстымъ слоемъ соломы. Въ банѣ были котлы, которые поливались изготовленною матерью перегонною розовою или мятною водою. Въ баню шли всѣ гурьбою—и родители, и родственники, и дѣти. Выпарившись, гости направлялись къ чаю. Баня стояла въ саду вблизи дома. Къ приходу распаренныхъ съ красными физіономіями гостей, въ залѣ изготовленъ былъ большой столъ съ лакомствами. Между ними первое мѣсто занимали моченыя яблоки, какихъ я въ жизнь свою больше никогда не ѣлъ. Вечеръ продолжался обыкновенно за полночь и отличался веселостью и остротами.

Понятно, въ настоящее время рѣдко кто повѣритъ, что въ старину оба пола ходили въ баню совмѣстно. Въ дѣйствительности это было такъ. Каждый уважалъ другого настолько, что не позволялъ себѣ никакого неприличія, могущаго обидѣть.

Отецъ мой чистѣйшій типъ малороссійскаго дворянина. Онъ былъ мало подвиженъ, какъ человѣкъ тучный, отличался рѣдкою добротою сердца, любилъ сладко заснуть и вкусно поѣсть. Не смотря на множество въ домѣ комнатъ, у него не было пріуроченной въ его пользованіе. Спалъ онъ на одной кровати съ матерью не менѣе 30-ти лѣтъ; на этой самой кровати Богу душу отдалъ. Мать упрекала отца въ трехъ порокахъ: 1) страсти къ карточной игрѣ, къ преферансу, 2) страсти къ трубкѣ и 3) страсти къ Московскимъ Вѣдомостямъ. Въ карты онъ игралъ

иногда по 2 или 3 сутокъ, не обращая вниманія на финансовую сторону. Его интересовалъ больше всего процессъ игры. Если не было партнеровъ, онъ посылалъ верховыхъ къ сосѣдямъ съ приглашеніями, но не въ карты играть, а провесть совмѣстно день рожденія кого либо изъ близкихъ. Результаты игры почти всегда были печальны. Матушка увѣряла, что онъ проигралъ все ея приданное, тысячъ 60. Отецъ постоянно курилъ трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ. Трубка была обтянута мѣдною проволокою и прикрывалась проволочною крышею. Онъ покупалъ для куренія табакъ одеской фабрики „Крона-папы-Никола“. Бывало, гостинная, въ которой онъ сидѣлъ и читалъ отъ доски до доски Московскія Вѣдомости, до того наполнялась табачнымъ дымомъ, что постороннему войти было трудно. У отца не было между дѣтьми любимчиковъ, онъ любилъ одинаково всѣхъ и съ каждымъ изъ насъ былъ одинаково милъ и привѣтливъ. Нерѣдко посадитъ маленькихъ сестеръ на колѣни и учитъ ихъ пѣсни:

По садыку я хожу,
Та щыпаю вышни,
Пошлы, Боже, чоловика,
Та по моій мысли:

—

Щобъ люлечки не палыв,
Табаки не нюхавъ,
Чужихъ жинокъ не любивъ,
Мене одну слухавъ

или же:

Уси люде роботають,
Одна я гуляю;
Изъ чужого полочча
Сорочку покраю

—

Що куликъ напне,
А чайка намыче,
А ворона напряде,
А сорока вытче

или же:

И учора кулишъ,
И сегодня кулишъ,

Прыйды, прыйды, серденько,
Мою душу потишь.

—

И учора галушки,
И сегодня галушки,
Прыйды, прыйды, мое золото.
На билыи подушки
и т. д.

Меня онъ училъ рождественскія вирши:

Христосъ родывся
Иродъ скрутывся
Наполеонъ на островъ
Елену переселывся

или же:

Я маленькій хлопчикъ
Излизъ на стовбчыкъ,
У дудочку граю,
Хрыста звеселяю.
А васъ зъ празныкомъ поздравляю.

Отецъ мой былъ очень набожнымъ человѣкомъ. Имѣя въ виду, что хуторъ нашъ отстоитъ отъ приходской церкви въ с. Сахновкѣ, на разстояніи 7 верстъ, онъ испросилъ благословеніе у черниговскаго архіерея созывать въ праздникъ, на случай дурной погоды, крестьянъ и совмѣстно молиться. Рано утромъ, когда шелъ дождь или было очень грязно, отецъ распоряжался оповѣстить хуторянъ, что онъ будетъ править службу. Обыкновенно, къ сроку приходилъ Левъ Андреевичъ, въ качествѣ хора пѣвчихъ. Въ большой залѣ уставлялся въ углу столикъ, въ видѣ аналоя, на немъ клалось кипарисовое распятіе и освященная вода въ суповой чашкѣ. Народа собиралось такое множество, что была давка. Въ видахъ очистки воздуха двери и окна были открыты настежь. Въ толпѣ были старые, молодые, дѣти и отроки. Отецъ вступалъ въ роль священника, Левъ Андреевичъ—хоръ пѣвчихъ. Дѣтскій крикъ нерѣдко заглушалъ служеніе. По окончаніи, отецъ давалъ съ рукъ цѣловать крестъ и окроплялъ каждаго святою водою, а также вручалъ по просфирѣ, выписанной изъ Сахновки. Народъ обожалъ отца за церковнослуженіе и былъ вполнѣ удовлетворенъ какъ его службою, такъ и пѣніемъ Льва Андреевича, который обязанъ

былъ проводить у насъ каждый праздникъ. Средствъ у него не было никакихъ, и обыкновенно его кормили по очереди двѣ крѣпостныхъ семьи. Слухи ходили, что, устроивши дѣтей, онъ пропилъ оставшееся небольшое состояніе. Всѣ члены моей семьи любили Льва Андреевича.

Отецъ мой любилъ лошадей и держалъ небольшой конскій заводъ, а также занимался пчеловодствомъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Для содержанія лошадей была построена особая конюшня. Надъ воротами ея висѣлъ образъ св. Флора и Лавры. Часто онъ ходилъ смотрѣть, какъ Яковъ задаетъ имъ овса.

Для зимняго содержанія пчелъ въ саду были выстроены два амшеника съ двумя помѣщеніями въ каждомъ, раздѣлявшимися двумя корридорами. Къ пчеламъ были поставлены два пасѣчника: Иванъ и Костюкъ. По наступленіи весны, пчелы выставлялись сперва въ садъ, а затѣмъ вывозились версты за 4 отъ дому въ лѣсъ вблизи болота. Перевозка пчелъ сопровождалась торжествомъ. Сперва устанавливалась небольшая открытая съ одной стороны будочка, въ которую вставлялся образъ св. Зосима и Савватія, а передъ нимъ лампада. Приглашался обыкновенно отецъ Василій изъ Сахновки, и послѣ молебна производилась установка ульевъ. Позднимъ лѣтомъ всю пасѣку перевозили на ярину, т. е. цвѣтущую гречь, въ поле. Около каждаго улья вбивалась березка для защиты отъ солнцепека. При окончаніи цвѣтенія гречи, являлись русскіе, или вѣрнѣе—старовѣры изъ слободъ Добрянки, Зыбки и пр. и вступали въ договоръ относительно продажи меда. Процессомъ вытопки меда занималась мать, но деньги шли въ распоряженіе отца и, конечно, проигрывались имъ.

Отецъ не любилъ водки и даже преслѣдовалъ пившихъ у него за обѣденнымъ столомъ. Помню, какъ онъ нападалъ на Льва Андреевича. Только этотъ возьмется за чарку, изъ устъ отца вырывается сочиненная имъ эпиграмма:

Леусъ—магнатусъ,
Оберъ—глотъ, бутылочный переводъ
Чарочный праздникъ.

За то карточную игру любилъ до страсти. Бывало, пулька длится до свѣта, и партнеры настаиваютъ на необходимости

отдыха. Всѣ разойдутся по своимъ мѣстамъ. Вставши на другой день довольно поздно, всѣ собираются въ столовую пить чай или кофе. Одинъ отецъ замѣшкается и приходитъ позже другихъ.

— Я долженъ вамъ, господа, объявить большую непріятность, постигшую насъ эту ночь.

— А что такое? летятъ вопросы со всѣхъ сторонъ.

— Колеса покрали, преспокойно отвѣчаетъ отецъ. Приходится остаться еще день-другой, пока не подѣлаютъ новыя.

Конечно, выдумка эта объясняется желаніемъ отца продолжать игру въ карты. Когда онъ не могъ составить пульки, тогда возникалъ вопросъ о необходимости поѣхать по дѣламъ въ Черниговъ, или вѣрнѣе на Бобровицу, въ $^1/_2$ в. отъ города, гдѣ была роскошнѣйшая усадьба племянницы его С. С. Дунинъ-Борковской. Съ пріѣздомъ отца все оживало въ домѣ. Отецъ пользовался безграничною любовью родственниковъ.

Мать моя считала себя первою хозяйкою чуть ли не во всей губерніи. Хозяйственные запасы у нея отличались и крайнимъ разнообразіемъ, и превосходными качествами. Управиться со всѣми частями хозяйства у нея не хватало ни времени, ни силъ, а поэтому она считала неизбѣжнымъ имѣть ключницу, въ видѣ помощницы. Помнится, что все мое раннее дѣтство у насъ жила ключницею вдова дьякона изъ м. Березнаго. Ее звали Матрена Ивановна, но фамиліи ея, кажется, никто не зналъ. Она смотрѣла за доеніемъ коровъ, за приготовленіемъ молочныхъ скоповъ, выдавала кухаркѣ муку на хлѣбъ для дворни, наблюдала за кормленіемъ свиней. Мать относилась къ ней съ полнымъ довѣріемъ и съ интересомъ выслушивала разнаго рода сплетни изъ жизни дворни, всѣ члены которой питали къ ней ненависть. Помѣщалась она въ двухъ комнатахъ при кухнѣ, тамъ пила чай и обѣдала остатками отъ господскаго стола. Такъ какъ на ея попеченіи была вся домашняя птица, то она иногда пользовалась ею для себя. Подъ ея ключемъ сохранялись разнаго рода овощи, картофель, капуста, бураки и пр. Она производила отпускъ ихъ и повару Григорію, и кухаркѣ Параскѣ. Кажется, этимъ и ограничивалась вся ея дѣятельность,

за которую она получала приличное вознагражденіе и подарки. Кажется, она жила у насъ много лѣтъ. Она была въ дружескихъ отношеніяхъ съ приказчикомъ Василіемъ Пилиповичемъ Евхименко, у котораго были всрослые дѣти. Приказчикъ жилъ маленькимъ паномъ, завѣдывалъ всѣми нашими землями и лѣсами и, вѣроятно, не упускалъ изъ виду собственныхъ интересовъ при свозкѣ на панскій дворъ хлѣба, сѣна и лѣса. Онъ пользовался у моего отца не только довѣріемъ, но и любовью и нерѣдко ссужалъ его деньгами на карточную игру, конечно, тайно отъ матери.

Не малое участіе въ экономической жизни моей семьи принималъ еще жидъ Юдко изъ м. Березно. Онъ пріѣзжалъ къ намъ почти каждую недѣлю и привозилъ разнаго рода покупки: говядину, рыбу, раки, а иногда и произведенія мануфактуры. Безъ сомнѣнія, онъ пользовался хорошими процентами, а также получалъ произведенія хозяйства—хлѣбъ, картофель, капусту, и пр. Обыкновенно онъ привозилъ корреспонденцію съ почты и разнаго рода новости. Возможно предположить, что семья наша состояла у него въ арендномъ отъ кагала содержаніи. Необходимо замѣтить, что онъ исполнялъ всякаго рода порученія, доставлялъ покупщиковъ, арендаторовъ и пр. и вообще являлся крайне необходимымъ почти во всѣхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ.

Въ числѣ крѣпостныхъ крестьянъ моего отца многіе знали ремесло. Такъ, вблизи нашей усадьбы находилась кузница, въ которой постоянно работалъ „коваль“ Демьянъ. Онъ ковалъ лошадей, починялъ экипажи, сельско-хозяйственныя орудія и постоянно работалъ какъ для двора, такъ и для всего хутора. Онъ бралъ работы со стороны и получалъ за нихъ порядочное вознагражденіе. Я помню, бывши мальчикомъ, я просиживалъ постоянно въ „кузнѣ“. Демьянъ меня не гналъ и скорѣе привязывалъ къ себѣ своими сказками, которыя я выслушивалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Онъ зналъ массу сказокъ, изъ которыхъ мнѣ памятна до сихъ пръ сказка про царицу Джегерментовну. Я помню хорошо, что онъ ее разсказывалъ три дня подъ рядъ и она производила на меня такое сильное впечатлѣ-

ніе, что я долго не могъ заснуть. Къ крайнему моему сожалѣнію, она не сохранилась у меня въ памяти и только удержалось одно ея названіе. Демьянъ не работалъ „на панщинѣ“, и его обязанности ограничивались даровою работою „на панскій дворъ“. Онъ зналъ отлично и слесарное мастерство, починялъ замки, машинки, лудилъ самовары, кофейники и пр. Рядомъ съ кузнею находилась усадьба Демьянова, а за нею „хуторское кладбище“. Кузня часто являлась мѣстомъ сборища хуторянъ. Одинъ несъ сюда косу „насталить“, другой—коня „пидковать“. Демьянъ бралъ небольшое вознагражденіе и никогда не оставался безъ работы. Часто къ нему являлись изъ другихъ хуторовъ. Онъ былъ большой говорунъ и не давалъ никому скучать.

Другимъ выдающимся лицомъ изъ ряда крѣпостныхъ былъ родомъ изъ с. Сахновки портной Левко. Онъ обшивалъ всю нашу семью, можно сказать, съ ногъ до головы. Онъ шилъ мужское и женское платье, бѣлье, шляпы и не отказывался ни отъ какой работы, которая тробовала иголки съ ниткою. Обыкновенно, въ случаѣ надобности его выписывали изъ с. Сахновки, и онъ устраивалъ свою мастерскую въ залѣ. По виду, онъ былъ больной человѣкъ, худой, желтый, смирный, тихій, молчаливый. Дѣтей у него не было, а жена его была гораздо моложе его. Во время работы, онъ питался отъ нашего стола. Вся наша семья любила Левка, и мы, маленькія дѣти, постоянно окружали его. Онъ былъ пожилымъ человѣкомъ и, конечно, давно уже умеръ.

Рядомъ съ нимъ можно поставить другого ремесленника, тоже изъ с. Сахновки, сапожника Опанаса. Онъ шилъ всякаго рода обувь для нашей семьи и для дворни, а также упряжь. Мастерскую свою онъ устраивалъ, обыкновенно, въ поварской, гдѣ и пользовался остатками отъ кушаньевъ, въ видѣ контрабанды. Онъ не пользовался особыми нашими симпатіями, былъ молчаливъ и только подъ звуки молотка напѣвалъ пѣсни. У меня и до сихъ поръ сохранилась одна его пѣсня на русскомъ языкѣ съ украинскимъ акцентомъ. Я приведу здѣсь для образца одно только начало.

Спрежду живъ мальчикъ веселився
Бо вмивъ свій большой капиталъ.
Капиталъ свой мальчикъ прамотався
Въ неволю значить, жить попавъ.

—

Не въ великую, значить, неволю,
Въ билу каменую, значить тюрьму
Калидоры, значить, очень длинны
И народъ, право, стоить стовпомъ
и т. д.

Опонасъ тоже былъ вполнѣ свободнымъ отъ панщины. Въ с. Сахновкѣ онъ имѣлъ свою мастерскую и постояно былъ занятъ исполненіемъ заказовъ.

Задолго до моего рожденія у отца былъ собственный хоръ музыкантовъ. Я помню, что въ періодъ моего дѣтства сохранились только остатки этого хора. Обыкновенно, когда соберется къ намъ съ хуторовъ молодежь, разсылаютъ разыскивать музыкантовъ. Нерѣдко они являются въ постолахъ, въ свиткахъ. Хоръ состоялъ изъ двухъ скрипокъ, баса и бубна. Его ставили въ лакейской, танцы устраивались въ залѣ. Въ танцахъ я не принималъ участія, такъ какъ былъ еще малъ. Иногда только меня выводили изъ среды музыкантовъ на средину залы, гдѣ я долженъ былъ танцовать „козачка“. Подъ музыку гости играли въ фанты.

Если я не ошибаюсь, крѣпостные были довольны своимъ положеніемъ. За нихъ подати уплачивалъ отецъ, на работу они вызывались въ случаѣ нужды, пользовались безплатно лѣснымъ матеріаломъ и пасли скотъ свой въ лѣсу или на болотахъ. Бывши уже довольно большимъ, я помню, что вся дворня осталась на своихъ мѣстахъ послѣ указа 19 февраля 1861 г.

— На що намъ плата тая? Жилы, спасыби Богови, добре до сего часу, говорили служащіе: будемъ жить такъ и дали.

Крестьяне отца вообще не считали себя крѣпостными.

— Мы пидхожи, ще пры дидахъ силы на паньски земли, тай доси живемъ.

Вообще уничтоженіе крѣпостнаго права не измѣнило отношеній крестьянъ къ нашей семьѣ: такъ-же смотрѣлъ во дворѣ

за скотомъ Иванъ Снигирь съ отмороженными ногами. Не то было съ крестьянами по нѣкоторымъ сосѣднимъ хуторамъ.

Мой отецъ отличался рѣдкою добротою. Бывало, проиграется до копейки, и мать моя начинаетъ его ругать, грызть. Отецъ молчитъ, какъ онѣмѣлъ, „пары зъ рота не пустыть“.

— Чего ты молчишь? спроситъ разсерженная мать.

— А мени що: „хочъ лыхо, абы тыхо“.

Такъ именно относился онъ и ко всѣмъ окружающимъ, избѣгалъ всякихъ непріятностей, мирился съ обстоятельствами. Онъ старался жить для своего удовольствія.

Хотя я пользовался на каждомъ шагу вниманіемъ и любовью родителей и сестеръ, но меня тянуло изъ семьи. Я искалъ развлеченія среди однолѣтковъ и съ наступленіемъ весны жилъ на воздухѣ. Зелень, масса разнообразныхъ цвѣтовъ, пѣніе птицъ, все это наполняло мою жизнь до времени наступленія занятій книжкою. На одномъ изъ сосѣднихъ хуторовъ жила старушка-вдова, вполнѣ одинокая. Мать навѣщала ее довольно часто и брала меня съ собою. Я ѣздилъ къ Марьѣ Васильевнѣ съ особымъ удовольствіемъ, такъ какъ у нея въ каждой почти комнатѣ висѣла передъ окномъ клѣтка съ канарейкою. Я цѣлыми часами заслушивался пѣнія канареекъ и до сихъ поръ остаюсь большимъ любителемъ ихъ. По окончаніи университета у меня былъ заводъ ихъ, въ которомъ доходило иногда до 100 штукъ. Конечно, я раздавалъ ихъ своимъ знакомымъ. Трескотня ихъ нисколько меня не раздражала.

Я любилъ въ дѣтствѣ также собакъ. У матери моей была маленькая собачка—болонка, а во дворѣ находилось нѣсколько большихъ собакъ, и возлѣ „красной кладовой“ былъ на привязи найденный на дорогѣ щенкомъ громадный песъ „Казбекъ“. Онъ отличался мягкою и длинною шерстью, указывавшею его благородное происхожденіе. За собаками имѣлъ непосредственное наблюденіе старикъ Снигирь, хотя и сестры, и я всегда носили имъ остатки со стола, а для Казбека держали особую миску. По временамъ Снигирь спускалъ его съ цѣпи, и онъ рвался ласкаться со мною.

Вообще, съ дѣтства я любилъ птицъ, звѣрей, зелень, и эта любовь сохранилась во всѣ 50 лѣтъ моей жизни.

Постоянное соприкосновеніе съ окружающею природою разнообразило скучную жизнь на хуторѣ. Мать моя, занятая хозяйствомъ и леченіемъ больныхъ, любила приживалокъ, которыя вносили новые элементы. Къ числу этихъ приживалокъ на первый планъ нужно поставить, такъ называемую, маіоршу. Всѣ мы не иначе ее называли, какъ маіоршею, и я не сохранилъ въ памяти ни ея имени, ни фамиліи. Маіорша вела вполнѣ кочевую жизнь. У родителей ея были двѣ дочери. Къ нимъ ѣздилъ какой-то маіоръ, который сдѣлалъ предложеніе жениться на старшей дочери. Родители заботились о томъ, чтобы выдать сперва младшую дочь, такъ какъ она была очень некрасива. Родители согласились на бракъ и въ день свадьбы такъ напоили жениха, что безъ особыхъ заботъ повѣнчали его съ младшею дочерью. На другой день утромъ выяснился весь скандалъ. Маіоръ проснулся рано и увидѣлъ возлѣ себя сестру его невѣсты. Онъ такъ былъ пораженъ, что тотчасъ вскочилъ съ постели, велѣлъ запрягать повозку и навсегда распростился съ семьею. Молодую жену родители выгнали изъ дому за то, что она не сумѣла привязать къ себѣ мужа. Съ того дня она ведетъ кочевую жизнь, переѣзжая отъ одного пана къ другому съ небольшимъ узломъ, составляющимъ все ея состояніе. У насъ она проживала обыкновенно по нѣсколько недѣль, а иногда и мѣсяцевъ. Она отличалась крайнею оригинальностью и была нами любима за ея неисчислимые разсказы. Ей было извѣстно все, что происходило въ окрестностяхъ. Увѣряютъ, что она однажды такъ разсердилась на пономаря одной церкви, что ему откусила конецъ носа. Съ вечера она забралась на колокольню и тамъ поджидала всю ночь пономаря. Когда наступило утро, пономарь полѣзъ на колокольню звонить, но едва онъ взошелъ на верхъ, маіорша набросилась на него, откусила ему носъ и скрылась. Несчастный пономарь упалъ въ обморокъ и не замѣтилъ, кто съигралъ надъ нимъ такую шутку. Маіорша знала массу пѣсенъ и ими насъ развлекала. Изъ числа этихъ пѣсенъ я помню только слѣдующую:

У ворить дивка стоить,
Вона плаче говорить:
—„Ахъ калина, ахъ малина,
Ахъ калинушка моя!

Обыкновенно она носила въ карманѣ очень крупные желуди. Передъ пѣніемъ она вынимала ихъ и вставляла себѣ въ носъ, въ уши, по бокамъ рта, въ глаза и въ такомъ видѣ пѣла. Какъ то пріѣхала она къ намъ зимою и заказала на хуторѣ большую клѣтку, которую повѣсила надъ входными дверями въ дѣвичей. Она рѣшила поймать сойку и посадить ее въ клѣтку. Сама она соорудила силки, выкопала въ снѣгу ямочку и набрала въ нее желудей. Дня черезъ два сойка была въ ея рукахъ. Она посадила ее въ клѣтку и стала по цѣлымъ днямъ учить ее говорить. Въ теченіе какихъ нибудь 10—15 дней сойка уже стала отчетливо кричать выученныя ею отъ маіорши фразы:

Буки-азъ—карандашъ,
Буки-рцы—огурцы.
и т. д.

Лѣтомъ она помѣщалась въ „горницахъ“. Это были 4 комнаты, построенныя надъ амбарами въ саду. Почему то она разсердилась „на русскихъ“, которые арендовали садъ. О бокъ сада находилось наше фамильное кладбище. Чтобъ наказать садовниковъ, она соорудила себѣ ходули и въ темную ночь накинула на себя простыню и на ходуляхъ отъ кладбища пошла къ сторожевой будкѣ. Арендаторы сада страшно перепугались, побѣжали во дворъ и заявили, что къ нимъ приходила смерть, вся въ бѣломъ, высокая. Конечно, во дворѣ всѣ догадались, что роль смерти играла маіорша, которая такъ старалась объ изготовленіи ходуль.

Помню, ей совѣтовали поступить въ монастырь. Она на это вопрошала:

— „Хиба у мужскій“?

О ней ходили слухи, будто бы она была не женщиною. Повидимому, къ распространенію такихъ слуховъ служила отчасти растительность на ея лицѣ, изображавшая собою усы, бороду, бакенбарды.

Когда она замѣчала, что ею начинали тяготиться, она выходила за ворота и поджидала случая съ кѣмъ-нибудь изъ проѣзжихъ выѣхать отъ насъ. Мать моя обыкновенно обдаривала ее разнымъ хламомъ и иногда давала деньги.

Въ моей памяти до сихъ поръ сохранилась личность „Грыця“ Мирошниченка изъ Сѣднева. Онъ былъ изъ числа крѣпостныхъ Лизогуба. Это былъ человѣкъ не высокаго роста, худой, вѣчно босой, одѣтъ въ рубище. Одни признавали его юродивымъ, а другіе пророкомъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ населеніи. На него не дѣйствовали ни холодъ, ни жара. Говорилъ онъ лаконически и часто гадательно. Водки онъ не пилъ вовсе и отличался большою набожностью. Онъ не пропускалъ ни одного храмового праздника.

Помню, мнѣ было лѣтъ 8. Я спросилъ его, какая ждетъ меня участь въ будущемъ. Вмѣсто отвѣта онъ сталъ рыться въ карманѣ, вынулъ оттуда кусочекъ „крейды“ (мѣла) и сунулъ мнѣ въ руку. Я вспомнилъ этотъ фактъ, потому что пришлось поступить въ университетъ на математическій факультетъ, а затѣмъ, поступивши на службу, исписывать цѣлыя стопы бумаги. Грыць ничего не держалъ при себѣ, все, что получалъ, онъ раздавалъ бѣднымъ. Въ церквахъ онъ бралъ свѣчи безплатно и часто все служеніе стоялъ въ углу на колѣнахъ. Онъ пользовался большою популярностью въ населеніи и, какъ говорили, никогда ничѣмъ не хворалъ во всю свою жизнь, хотя никогда не носилъ обуви.

Рядомъ съ Грыцемъ въ моей памяти воскресаетъ образъ крѣпостного сосѣдняго помѣщика Б—аго, Ивана Скороходъ. Это былъ глубокій старецъ, ослѣпшій съ дѣтства. Онъ былъ сѣдой, какъ лунь, и носилъ большую бороду. Нельзя было его назвать нищимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Посѣщалъ насъ онъ довольно часто. Бывало, взойдетъ онъ въ комнаты, направится прямо въ столовую, становится на колѣняхъ передъ образомъ и начинаетъ пѣть своимъ старческимъ голосомъ. Пѣлъ онъ большею частью божественныя пѣсни:

О, Ісусе, мій прелюбезный,
Сердцю радосте,

Едина въ скорбѣхъ утѣхо,
Моя радосте!..

Нерѣдко посѣщалъ насъ бандуристъ „Лавринъ“. Своею музыкою и пѣніемъ онъ доставлялъ намъ большое удовольствіе. Репертуаръ его пѣсенъ былъ обиленъ. Онъ зналъ и историческія пѣсни, и бытовыя. Къ сожалѣнію, я былъ еще безграмотнымъ и не могъ записать его пѣсню. Въ памяти моей сохранились только пѣсни о чечеткѣ и о попадьѣ. Вотъ начало ихъ:

Журылася попадья
Своєю бидою:
Тяжко мини въ свити жити,
Бо пипъ зъ бородою.
и т. д.
Жила соби чечетушка
Зъ своими дочками...

За симъ слѣдовало перечисленіе дочерей и зятей, приглашеніе ея на пиръ и т. п.

По временамъ къ намъ заходили старцы и пѣли разнаго рода божественныя пѣсни. Дальше сѣней со стороны дѣвичьей они не проникали. Мать моя каждый разъ заботилась, чтобы ихъ накормили и напоили. Обязанность эту выполняла, обыкновенно, ключница. Обѣдали они большею частью возлѣ кухни.

Матрена Ивановна одинъ разъ поставила имъ цѣлую „пляшку горилки“. Они не церемонились и выпили чуть ли не сразу. За симъ между ними возникъ горячій споръ. Одинъ заявлялъ, что Кавель убивъ Авеля, а другой—что Авель убивъ Кавеля.

Д. Моровъ.